

НАЙТИ ЧЕМПИОНА

Урина Мясникова

Ирина Николаевна Мясникова
Найти чемпиона
Серия «Женские истории»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23398424

Найти чемпиона. Роман / Ирина Мясникова: Центрполиграф; Москва;

2013

ISBN 978-5-227-04113-5

Аннотация

Стоит ли прислушаться к мнению бабушки, которая советует бросить никчемного супруга, найти Чемпиона и выйти за него замуж?

Как обернуть в свою пользу финансовый кризис в стране? К чему может привести роман с начальником? Так ли уж необходимо жениться на армянской девушке, когда все её родственники «за»? И дядя Вазген тоже? Кто на самом деле организует транспортные пробки и отвечает за творческие озарения?

Содержание

Городские	4
Полина	12
Чемпион	29
Городские	43
Полина	56
Городские	69
Чемпион	78
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Ирина Мясникова

Найти чемпиона

Моему любимому и единственному Чемпиону посвящается

Городские

Вот что ни говорите, а множество неприятностей в жизни происходит от приезжих. От этих «понаехали тут». Не верите? Смотрите. Жили себе убогие чухонцы на своих бескрайних чухонских болотах и не тужили. Грибы, ягоды, в смысле черника, брусника и клюква. Опять же рыба замечательная от лосося с форелью и до самой что ни на есть простецкой корюшки. Корюшку-то, небось, ели? Это та самая, которая странным образом свежими огурцами пахнет. Ну, чем не жизнь? Разве что комары...

И тут здрасьте вам! Понаехали разные пучеглазые. Начали окно в Европу рубить. И если б только окно! Так прямо рядом с окном устроили себе столицу, а со временем, чтобы столица не так близко к границам империи располагалась, оттяпали под шумок у ничего не понимающей Швеции аж цельную Финляндию. Они ж великие цари и самодержцы и по миру перемещаются не как некоторые в бронепоезде, а

прямо в своей столице.

И только всё более или менее устаканилось, прижились среди комаров на чухонских болотах в новой столице пучеглазые цари, можно сказать, стали своими, то есть, местными, как снова здрастье вам! Понаехали тут из провинции. Прищуренные. Бах, трах, захватили почту, телеграф, телефон, а самое главное – мосты. Тут бы в самый раз и остановиться. Ан нет. Понеслось уже. На радостях с широкого пролетарского плеча отдали Финляндию своим финским товарищам. За какие такие заслуги – неизвестно, но с тех пор даже малый ребенок знает, что основные дела делаются и великие договоренности достигаются в финской бане под названием «сауна». После всего этого безобразия Санкт-Петербург и стал приграничным городом, а прищуренным, ясное дело, в такой столице жить не с руки. Они быстренько утекли в Москву и спрятались там за высоким забором. Ну и столицу, разумеется, тоже туда перенесли. Гляньте, вроде бы тоже по миру в столице ездили, как великие русские цари. Но вот только не в Еропу поехали, ой, не в Европу! Да еще и Санкт-Петербург переименовали в Ленинград. Мол, не город святого Петра, а город Ленина. Тоже святого, только на свой собственный, коммунистический манер.

С тех пор времени прошло уйма, и от бывшей столицы Российской империи мало чего осталось. Так только, центр города вокруг Невского проспекта, Петроградская сторона, Васильевский остров, да старые рабочие заставы. Остальное

всё неотличимо от любого другого Замухинска бескрайних просторов нашей Родины. Действительно, в какой из питерских новостроек не выглянешь из окна, доподлинно никогда не разберешь, где находишься. Даже на трезвую голову! То ли в Нижневартовске, то ли в Когалыме, а то и вовсе в Жулебино. Так что если новостройки откинуть, то настоящий нынешний Санкт-Петербург, в сущности, город маленький. Очень.

Ах, да! Московский проспект – детище эпохи сталинизма, жители которого иногда даже думают, что они москвичи. Ну это же естественно. Московский проспект и есть самая настоящая дорога на Москву и в аэропорт, откуда до нынешней столицы рукой подать, всего-то час лета. Опять же из окна любого дома Московского проспекта кажется, что за окном именно Москва, а никакое не Жулебино. Но это только сам проспект. А шаг вправо или влево принесет вас опять все в то же Жулебино, или Нижневартовск.

Так что в маленьком городе Санкт-Петербурге приезжих, мягко говоря, недолюбливают и завсегда сначала проверяют, чего там у них в голове понапихано. А вдруг опять восстание какое-нибудь?

В центральных районах, оставшихся в городе от прежней столицы, народа разного проживает целая уйма. Дома стоят близко, то есть вплотную. Опять же коммунальные квартиры еще кое-где присутствуют. Так что мысли разные там так и роятся, так и роятся. Уже и хозяева тех мыслей отошли

в мир иной, а мысли еще существуют, так как усиливаются схожими мыслями ныне живущих. Так и гуляют эти мысли сами по себе. Оттого и водятся в центре, кроме рядовых жителей, еще и жители нерядовые. Можно сказать, настоящие коренные питерцы. Городские до мозга костей, не какая-нибудь там деревенщина!

Вот взять, к примеру, Зеленого Змея. Кто-то может подумать, что данного субъекта в природе не существует, а все это выдумки и устное народное творчество. Ну в любом другом городе средней полосы оно наверно так и есть, но в Санкт-Петербурге устное народное творчество обретает некоторую материальность. Может, это от мыслей разгулявшихся, может, миазмы чухонских болот так действуют или комары, а может, просто шутка природы такая.

Так вот насчет Змея. Во-первых, такого количества алкашей и забулдыг на квадратный метр нет нигде в мире. Любой приезжий будет поражен обилием этих помятых и задумчивых людей. Целыми днями они пребывают в думах о Главном, лишь иногда прерываясь, чтобы потолпиться у входа в близлежащий винный магазин, которых в Питере, особенно в центральной его части, тоже не счесть. Алконавты не просто толпятся у входа, они на полусогнутых ногах исполняют ритуальный танец и камлают Зеленому Змею. И он таки им является, ниспослав откуда ни возьмись вожделенной огненной воды. И так день за днем. И если вы, допустим, сами Зеленого Змея еще не видели, то это совсем не означает, что

его нет. Посмотрите на питерских алконавтов, и вы уверуете. Ведь для того, чтобы поверить во что-то, совершенно не обязательно это трогать, кусать и нюхать. Достаточно и косвенных улик существования некоего явления. А то если, не дай бог, Змей к вам явится самолично, то будет вам обязательно капельница и веселый доктор с программой по выведению из запоя. Кроме того, поговаривают, что Змей своих особых почитателей весьма недолюбливает.

Но Зеленый Змей, конечно, не единственный питерский коренной житель. Есть вот еще некая Наталья Францевна. Говорят, что сама она родом с улицы Плуталова, что в центре Аптекарского острова Петроградской стороны. Наталья Францевна, ежели не в духе, то так вас попутать может, что какие там три сосны! Будете блукать по Лахтинской или Стрельнинской до посинения, а на Большой проспект Петроградской стороны никак не попадете. Будет вам являться Большая Пушкарская улица хоть ты тресни. Кто не знает питерский центр, так я вам скажу, что этого просто не может быть. Разве что в случае глобального искривления пространства. Но это все ерунда. Пешехода попутать – это для Францевны разминка. Автомобилисты – вот ее настоящая слабость. Этим она даже в простецких, как сто рублей, линиях Васильевского острова попутать может. Пешеход же и по встречной полосе попереть может, а вот автомобилист никогда. Он же не дурак, знает, что откуда ни возьмись выскочит тогда по его душу какой-нибудь шибко страшный инспектор

ГИБДД Пинчук. Так что автомобилисты в шаловливых ручонках Францевны беззащитны, как дети малые. Единственный способ от Францевны избавиться – это зайти куда-нибудь в кафе и пересидеть. Опять же если вы пешком, то вам проще, а автомобилисту надо ведь еще припарковаться. Так и будет бедолага кружить, пока не догадается въезд во двор перегородить и включить аварийку. Пересидит минут пятнадцать, и можно ехать. Всё, отшутилась Францевна и соскучилась.

Сейчас многие себе приобрели разные электронные устройства, показывающие кратчайший путь до места назначения и еще предупреждающие о пробках. Так вот, эти люди уже поняли, что Францевна состоит с такими приборами в ближайшем родстве. Не зря некоторые именуют эти устройства бесовскими. Конечно, все может быть гораздо проще, и те замысловатые ученые, которые такие приборы разработали, просто-напросто, крепко дружат с самим Зеленым Змеем. По такому прибору шутя играючи вместо поселка Ленинское можно оказаться на Ленинском проспекте, а там и до самой улицы Солдата Корзуна недалеко.

Проживают в Питерском центре и разные барабашки. Но эти и вовсе в большинстве своем безобидные. Подумаешь, погремит ночью на кухне кастрюлями, дверями похлопает или форточками. Ну, даже если носки попрячет и фамильные серебряные ложки. Подумаешь, ерунда какая. Многие и не заметят то ли барабашка это, то ли у соседки по комму-

налке критический возраст к горлу приступил. Хотя если вы вовсе не в коммуналке живете, то носки ваши тырит совсем не соседка. И оказались вы, можно сказать, один на один с самой что ни на есть нечистой силой. Издержки, так сказать, отдельного барского проживания.

Конечно, обиженный барабашка похлеще любой критической соседки навредить может. Воду в ванной откроет или утопит чего-нибудь не того в канализации. Это вам не в суп наплевать. Хотя и это он тоже запросто может учудить. Поэтому старые питерские жители с барабашками предпочитают не ругаться, а договариваются по-хорошему. Мол, мы вас, уважаемый, постараемся не беспокоить, но и вы, уж будьте любезны, ведите себя чинно-благородно.

Есть в Санкт-Петербурге существа и совсем уж фантастические. Это водопроводчики и сборщики мебели. Эти, в отличие от Зеленого Змея, являются не всем подряд, а только особо избранным. Если вы отпросились с работы и все-таки встретили данное существо у себя на жилплощади, набитой коробками с непомерно дорогими дощечками или заливной различной канализационными непотребствами, то вам чрезвычайно повезло. Вы наверняка баловень судьбы и настоящий транссерфер реальности. Идите, срочно купите лотерейный билет или поищите под ногами во время утренней пробежки чемодан с деньгами. Уж, если поперло, так поперло! Чего мелочиться?

Ну, а кроме Змея, Францевны, барабашек, неуловимых

сборщиков мебели и водопроводчиков проживают в Питере еще и феи. Конечно, добрые. Очень. Феи обычно являются в виде пожилой дамы в шляпке, но могут обернуться и продавщицей овощного ларька. Даже милиционером с полосатой палочкой и свистком иной раз прикинуться могут. Так что если вас какая-нибудь продавщица послала подальше, да с матерком, ни в коем случае не обижайтесь на нее, а ступайте смело. Не исключено, что это добрая фея направила вас навстречу вашему счастью.

Полина

Костюмчик получался просто зашибительный. Особенно удачно приспособилась трикотажная резинка от старого пуловера. Никто и не подумает даже, что самопал из «Бурда моден». Самопал с трикотажными резинками не бывает. Завтра первый рабочий день, пиджачок с этой самой трикотажной резинкой уже почти готов, а вот юбка еще только раскроена. Материал, как всегда, удалось достать только в последний момент. Не шить же из дерюги, которая в широком ассортименте в магазинах «Ткани» на полках лежит. Даже если там что-то приличное и отыщется, так в этом потом каждая вторая щеголять будет. И тогда уже всем станет ясно, что самопал, а никакая не фирменная вещь. В коммерческих магазинах, тех, которые «Шопы» называются, конечно, ткани приличные есть, но цены... Цены просто астрономические. Поэтому и пришлось подпрыгивать вокруг бывшей одноклассницы, у которой муж этими самыми тканями промышляет. Из Польши возит да все в те же коммерческие «Шопы» сдает или пристраивает по знакомым портнихам. Получилось в два раза дешевле, чем в магазине. Ну, так ясное дело, в магазине сверху наворачивают себе на красивую жизнь. «Шоп» как-никак слово иностранное и к красивой жизни обязывает.

Интересно, почему все-таки «шопы», а не «бутики»? По-

лина Киселева не раз ломала себе голову над этим вопросом. «Бутик» ведь как-то для русского уха гораздо приличнее звучит. А еще лучше для русского уха звучит «магазин», но народ с советских времен так истосковался по всему иностранному, что без смеси английского с нижегородским жить уже никак не может. Поэтому повсюду «шопы», «сэйлы» и «ренты».

Полина сидела за электрической швейной машинкой и обметывала швы со скоростью бывалого пулеметчика. Напротив, в кресле уютно расположилась бабушка со своей газетой, а рядом с Полиной пристроилась мама. Она завязывала узелки на простроченных Полиной швах и аккуратно обрезаала лишние нитки. И мама, и бабушка просочились к Полине в комнату, пользуясь отсутствием дома ее мужа Вадика Скворцова, которого они обе не переваривали. Скворцов сегодня был на очередном музыкальном фестивале и очень обиделся на Полину, что она не пошла с ним. А как бы она пошла, если надо сшить костюмчик? Не идти же на первую в жизни работу в джинсах? Кстати тоже самопальных.

– Такая девушка, как ты, не должна сидеть согнувшись в три погибели! – возмутилась бабушка, отложив газету. – Ты должна ходить и выбирать! Ходить и выбирать! – Бабушка сделала туда-сюда ручкой, показывая, как надо это делать. – А еще лучше – не ходить, а ездить по магазинам на машине с шофером.

Полина даже не собиралась реагировать на очередную ба-

бушкину провокацию. Вступишь в полемику, и не успеешь не то, что юбку дошить, вообще до утра не заснешь. Папа эти бабушкины выступления даже прозвал митингами.

– Что-то я не припоминаю, чтобы ты сама на машине с шофером выбирать себе наряды ездила? – рассмеялась мама и подмигнула Полине.

– Если б не революция, да затем война, именно ездила бы. И не просто, а по самым лучшим и дорогим магазинам! – возмутилась бабушка. – Хотя, надо отдать должное Иннокентию, он и в этих условиях ухитрялся меня наряжать. У меня было все самое лучшее. Даже шуба из каракуля с чернобуркой. Ты, Полина, на фотографии-то посмотри, там все есть! Везде я в очень приличных нарядах и видно, что вещи качественные и дорогие. И не из ситчика! Помнишь фотографию, где я в шубе? Мы на ней с Иннокентием уж больно хорошо получились. Прямо как господа какие-то из прежней жизни.

Бабушка тяжело вздохнула.

Конечно, Полина помнила. Она очень любила эту фотографию. На ней бабушка выглядела гораздо лучше некоторых иностранных кинозвезд. Надо сказать, что и дед рядом с ней в двубортном костюме и расстегнутом элегантно пальто смахивал, уж если не на Джеймса Бонда, то на советского разведчика Штирлица обязательно. Дед закончил войну под Берлином, имел целую шкатулку орденов и медалей, а после войны работал начальником автобазы. У бабушки и у

мамы действительно по тем временам было все самое лучшее. Дед заботился о своих девочках. Даже машина в семье была. «Победа». По магазинам, конечно, на ней никто не ездил, а вот на дачу, которую дед построил в престижном пригороде Ленинграда, в сосновом лесу практически на берегу залива, он регулярно семью вывозил. Полина, когда была маленькая, жила на этой даче все лето, у нее даже была своя комнатка под самой крышей. До сих пор ей иногда снятся сосны за окном и кружевные тюлевые занавески. Дед, конечно, и о Полине заботился. Она же тоже его девочка. Потом дед умер, дачу продали, о чем постоянно жалели, и о Полине, маме и бабушке никто больше не заботился. Папа не в счет. О нем самом постоянно заботиться надо. Он рассеянный до невозможности, как и положено быть настоящему доктору Айболиту. И еще совершенно не приспособленный к жизни. В больнице, где он работает, его вечно кто-то обходит, подсиживает и присваивает себе более выгодные должности и большие зарплаты. Мама ругается, а папа при этом улыбается и щурит красивые близорукие глаза. Вот и сегодня, в воскресенье, все люди как люди, дома с семьей сидят или по театрам ходят, а папа на дежурстве.

– Сейчас, мама, другое время – в магазинах, хоть с шофером туда ездят, хоть пешком ходят, все равно шаром покати, а ребенок как-то изворачивается, сам себе шьет и выглядывает на все сто! – сказала мама и погладила Полину по спине.

Полина была благодарна матери, что та взяла беседу с ба-

бушкой на себя.

– Если она будет ночами не разгибая спины сидеть за этой своей пукалкой, то выглядеть будет, как драная кошка, что ни нацепи, да еще и горб у нее вырастет, – не унималась бабушка.

– Хорошо. Что ты предлагаешь? – мама решила взять быка за рога и перевести беседу в конструктивное русло. – Никакого шофера с машиной пока на горизонте не наблюдается. А если одеваться в то, что предлагает отечественная швейная промышленность, то никакой шофер уже точно никогда не нарисует.

– Нечего было выходить замуж за всякую шантрапу. Уж если вышла замуж, то пусть муж о тебе заботится. Иностраные шмотки, например, у нэпманов покупает. Пока их «шопы» не прикрыли.

– Может, он бы о Полине и заботился, да таких денег у него нет. Он же не новый русский какой-нибудь.

– Я и говорю – шантрапа.

– Хорошо. Вернее, плохо, конечно. И что ей теперь делать?

– Как что?! Мужа менять, разумеется.

– На кого?

– А хоть бы и на того же нового русского! Вот скажите, зачем ей нужен этот оболтус?

– Сил моих больше нет! Полина, ответ бабушке. Тут я с ней полностью согласна. – Мама явно сдалась под бабушки-

НЫМ НАТИСКОМ.

Полина подняла голову от шитья и посмотрела на своих любимых родственниц. Обе они глядели на нее с укоризной во взоре.

«Ну, до чего же у меня красивые предки!» – подумала Полина.

Бабушка была невозможно хороша. Кожа бархатистая, гладкая. И это несмотря на то, что она принципиально не признавала никакие кремы, а лицо умывала простецким детским мылом. Конечно, на ее замечательном лице присутствовали морщины, но они были какие-то благородные, что ли, можно сказать, даже элегантные. Густые серебряные от седины волосы бабушка укладывала в прическу тридцатых годов, и эта прическа ей очень шла. На лице никакой косметики, даже очки простецкие – в роговой оправе, а в целом, тем не менее Мери Пикфорд отдыхает. Про маму и говорить нечего. Какая там Мери Пикфорд! Голливуд в полном составе плачет и рыдает. Мама-то еще совсем не старая, пятидесяти нет. И тоже практически без косметики. Гены! Очень хорошие, красивые гены, которые и Полине достались в полном объеме. Повезло.

– Девушки, так уж вышло! Я полюбила оболтуса. Признаю свою ошибку, но альтернативных вариантов пока не вижу. Это ж надо сначала найти кого-то подходящего, а потом еще и влюбиться в него. А с Вадиком Скворцовым половина дела сделана. Я в него уже влюблена! Буль, ты что хочешь, чтоб

меня звали разведенкой? – Полина вздохнула, как бы представляя, как тяжела жизнь этой пресловутой разведенки, и опять склонилась над шитьем.

– Вот! Походящий вариант. – Бабушка с торжеством в голосе сунула Полине под нос свою газету.

– Ну? «Санкт-Петербургские ведомости», и что? – не поняла Полина.

– Не что, а кто!

Полина взяла газету. На первой полосе красовался портрет замечательного молодого человека. Подпись под ней гласила «Чемпион мира по гребле на каноэ ленинградец Владимир Чернышев». Спортсмен улыбался, демонстрируя безукоризненные зубы, и выглядел очень даже ничего. На все сто, как сказала бы мама. А плечи его так и вовсе не вмещались в кадр.

– И?.. – поинтересовалась Полина у бабушки.

– Тебе надо найти этого парня и выйти за него замуж.

– Хорошо, буль, так и сделаю. С завтрашнего дня приступлю к поискам. А сейчас дай костюмчик дошить, а то мне завтра на работу выходить не в чем. Я ж должна там поразить воображение трудящихся инженерно-технических работников.

– Надо поражать воображение не инженерно-технических работников, а чемпионов.

Мама взяла газету, посмотрела на фотографию чемпиона и фыркнула.

– Красивый мужчина – чужой мужчина, – наставительно произнесла она.

– То-то ты за уroda замуж вышла, – расхохоталась бабушка.

В действительности папе Полины Киселевой до уroda было очень далеко. Это факт. Иначе, как бы Полина уродилась такой хорошенькой?

– Потому и говорю, что нажилась с красавцем. Он же ни одной юбки не пропускает! – возмутилась мама. – Только вид делает, что не видит ничего. Глаза щурит. Малохольным прикидывается, а сам в засаде сидит. Уж юбку на бабе, чтоб за нее ухватиться, он точно различает. А в больнице у них баб этих... И медсестры, и врачихи, про пациенток я вообще не говорю.

– Дура, она дура и есть, – бабушка покрутила пальцем у виска. – По-твоему, урод бы сидел и исключительно за твою юбку держался? Мужики все как один бабники и кобелюки. Независимо от внешних данных. У них природа так устроена, для продолжения рода. А с красавцем жить куда как приятней, чем с уродом.

– Странно, – не смогла удержаться Полина. – Урод же должен радоваться, что его приласкали? Вцепиться в эту свою единственную и неповторимую юбку и держать ее крепко.

Вот вечно втянут, в какие-нибудь психологические рассуждения!

– Урод будет самоутверждаться почище завязанного бабни-

ка. Причем именно за твой счет! Вот, мол, как я этой красотке изменяю. – Бабушка даже руками неприличный жест сделала, как бы изображая процесс этой самой измены.

Полина задумалась. В бабушкиных словах был некоторый резон. Особенно если вспомнить всех этих неказистых исторических личностей. Выбирают себе самую красивую девочку и мучают ее почему зря! Можно сказать, душу на кулак наматывают. То налево, то направо. Хотя, может, личности эти исторические за счет своего природного обаяния и магии этой самой личности окружающим и самим себе кажутся писаными красавцами? С другой стороны – это ж какие комплексы должны быть у человека, чтобы пол-Европы захватить и на Азию замахнуться. У красавца вряд ли до такой степени кризис в голове организуется. Получается, что раз вы меня в школе дразнили заморышем или пром-сосиской-лимонадом, то я вам всем устрою кузькину мать и все такое прочее! И все самые красивые красавицы будут мои, а кто откажется – отключим газ. А что? Вполне возможно. По всему выходит, чем страшнее мужичок, тем больший он бабник. И наоборот.

– Буль, ты думаешь, что этот чемпион не кобелюка?

– Конечно, кобелюка! Только он кобелюка, которая всем уже доказала, что он чемпион. Ему не надо самоутверждаться и доказывать, что его хозяйство самое большое хозяйство в мире. Всё, доказал. Об этом даже в газете прописали. Вот, видишь, написано. – Бабушка ткнула пальцем в газету. –

Черным по белому.

– Мама! Чему ты ребенка учишь? – Мама даже поджала губы. С виду ни дать ни взять училка младших классов.

– Жизни, чему ж еще? Тебя вот не научила, так хоть внучке, может, чего полезного скажу. Ребенка нашла! Ребенок уже целый год замужем и про мужские причиндалы, наверное, догадывается. Это ты все думаешь, что детей в капусте находят.

Полина с удивлением заметила, что мама покраснела.

– Я просто не люблю разговоров на эти темы. Это неприлично!

– Неприлично, когда это на заборе нарисовано, а между нами девушками можно кой-чего и обсудить. У них, у кобелюк этих, так все хозяйство устроено, что они непременно должны всем вокруг доказывать, что они лучшие. Так что, Полинка, бросай своего оболтуса и выходи замуж за чемпионку.

Бабушка аккуратно сложила газету и спрятала ее в карман своей длинной вязаной кофты.

– Ага! У спортсменов плечи широкие и мозги куриные, – мама выдала решающий аргумент.

– Мозги куриные у оболтусов, а чемпион потому и чемпион, что соображает. А кроме того, чемпионы обычно ребята трудолюбивые. Просто так, за здорово живешь, в чемпионы не возьмут. Семь потов должно сойти, только тогда мир тебя в чемпионы допустит! Это не на гитаре в самодеятельно-

сти брэнчать, – парировала бабушка. – Был бы, Полька, твой оболтус с мозгами и трудолюбием – давно бы уже по телевизору выступал.

– Девчонки! Вы о чем тут спорите? Толкаете меня к разводу, опять же шить мне мешаете, – Полина закончила строчить и накинула новый пиджачок себе на плечи.

– Класс! – восхитилась мама. – Как из иностранного журнала.

– Погоди, вот еще юбочку сошью, все трудящиеся штабелями полягут.

– Смотри, Полина, среди трудящихся и тетки попадают-ся! Ты б на работу-то поскромней одевалась. Неровен час затопчут. – Бабушка опять не удержалась от критических замечаний.

Полина подскочила, поцеловала бабушку в лоб.

– Не бойсь, буль, я сама кого хочешь затопчу. Видала, каблуки у меня какие? О-го-го! И вообще, шли бы вы лучше телевизор смотреть. Чего вы вокруг меня вьетесь? Скоро оболтус мой притащится, есть попросит, а у меня еще юбка не сшита.

Бабушка тяжело вздохнула, встала и пошла к выходу из комнаты.

– Что в лоб, что по лбу! – сказала она, закрывая дверь.

– Может, помочь тебе еще чем? – поинтересовалась мама. – Котлеты супругнику твоему никчемному жарить не буду, а вот юбку могу запросто сметать.

– Не надо. Я булавками закалываю. Это намного быстрее. Иди лучше займи бабульку чем-нибудь, а то сейчас опять философствовать начнет. Ей газеты вредно читать.

– Ладно, ладно, удаляюсь! Однако насчет оболтуса твоего бабушка права абсолютно. На все сто!

– Не скажи. У него есть и положительные качества. Вон он как здорово поет и на гитаре играет. Как настоящий артист. Не каждый, между прочим, может. Ну, не везет ему пока. В телевизор ведь пробиться очень не просто, все туда попасть хотят, – сказала Полина, а потом вдруг подумала, что и в чемпионы мира тоже, наверное, пробиться трудно.

– Ну, ну! Гитараст по елкой. Ля-ля-ля-ля-ля, солнышко лесное... – пропела мама.

– Мама! Ты опять?

– Чего? – Мать сделала невинные глаза. Даже хлопнула пушистыми ресницами несколько раз для пушей убедительности.

– Того! Употребляешь слова, значения которых не понимаешь!

– Да? Гитараст? Это что, что-то неприличное? Пойду, погляжу в словаре. – С этими словами она, наконец, скрылась за дверь.

Полина вздохнула. Ну, что ты будешь с ней делать! Было совершенно не понятно, как она до седых волос ухитрилась сохраниться этакой невинной ромашкой, да еще при бабушкином демократичном воспитании. Ведь даже о существова-

нии матерных выражений только догадывается.

Сама-то Полина в этом отношении подковалась еще в третьем классе. Лучшая школьная подруга Любка получила важную запретную информацию от своего двоюродного брата, и чтобы не забыть, даже написала на бумажке в клеточку. Они, наверное, целую неделю заучивали эти слова, постоянно сверяясь с бумажкой и хихикая. То есть вели себя в точности, как и должны себя вести круглые дуры. Выучить-то эти слова, они выучили, а вот употреблять никак не получалось. Полина всегда чувствовала, что у нее внутри находится какой-то барьер, переходить который ни в коем случае нельзя. Потом, конечно, уже в институте, поработав все летние каникулы в Ленавтоматторге, торгуя мороженым, Полина Киселева научилась материться легко и виртуозно. Но в отсутствие в дальнейшем общения с работниками советской торговли, перестала и материться. Как будто вышла из-за своего барьера, похулиганила слегка, изобразила из себя бывалую торгашку и тут же спряталась назад в свой родной и привычный мир толстых книг, очков, шахмат и философских бесед о разумном, добром и вечном. А вот матушка странным образом этого барьера внутри себя, похоже, не ощущала и, услышав где-то незнакомое слово, произнесенное веско и со значением, начинала вовсю употреблять его к месту и не к месту. Можно сказать, даже смаковала его. Поэтому иногда у Полины волосы становились дыбом от некоторых материнских выражений. Так недавно, услышав от ка-

кой-то своей подружки слово «мудак», матушка щеголяла им при каждом удобном случае, считая, что это просто какая-то разновидность скромного невинного обзывательства «дурак». Так-то оно, конечно, так. Но Полина на всякий случай отправила матушку почитать толковый словарь и та, была несказанно удивлена, что данное слово имеет непосредственное отношение к мужским гениталиям. Долго хихикала и радовалась, что не успела начальника своего припечатать новеньким словцом. С тех пор «мудак» у нее из употребления, слава богу, вышел. А теперь вот, здравствуйте пожалуйста, «гитараст»! Не дай бог Скворцов услышит. И так у него с тещей ножи и вилы. Про бабушку и говорить нечего. Она, как только Скворцов переступает порог квартиры, сразу же уходит к себе и включает телевизор на полную катушку. Один папа относится к Скворцову более или менее спокойно, ну так папы дома практически и не бывает. Наверное, с утра до вечера у себя в больнице за юбками бегает, а если б дома почаще бывал, так, может, уже тоже со Скворцовым не разговаривал бы.

И чего они его так невзлюбили? Подумаешь, ну курит Скворцов, как паровоз. Это разве проблема? Полина сама иногда покуривает в форточку. Ну нет у Скворцова автомобиля «Жигули» и собственной жилплощади. У чемпиона того из газеты небось тоже никакой квартиры с машиной нету. А у кого это все в двадцать пять лет есть? Вон к Полине на пятом курсе один доцент клеился. С квартирой и с машиной.

Бр-р-р! Толстый и лысый. А Скворцов зато далеко не лысый, волосы даже в хвост завязывает и бороду себе отрастил, как у геолога. Очень даже симпатично. Хотя, конечно, чемпион газетный, похоже, гораздо красивей Скворцова будет. Но петь бархатным голосом и на гитаре играть, как Скворцов, чемпион этот наверняка не умеет. Он, может быть, вообще писклявым голосом разговаривает или картавит. Другое дело Скворцов! Полина могла бы его пение круглосуточно слушать. Маме с бабушкой, конечно, больше всего не нравится, что Скворцов все время ходит в свои походы и ездит на фестивали бардовской песни. Тратит время, по их мнению, на всякую белиберду и развлечения, вместо того чтобы деньги зарабатывать. Так и Полина бы с ним ездила, только неохота. Не любит она эту романтику у костра. Комары, палатки и удобства под кустом. Скворцов, между прочим, на нее за это сильно обижается. Говорит, что она не разделяет его интересы и под влиянием своих родственников обуреваема жадной наживы и поклоняется золотому тельцу. А когда она с ним на концерты разные и фестивали ходит, он тоже недоволен бывает, говорит, что Полина сильно выпендривается и очень выделяется на фоне всех остальных зрителей. Мол, надо скромнее одеваться. Ну да! В мешковину, наверное. И волосы не мыть, как все эти околобардовские барышни. Наденут хламиду какую-нибудь, завяжут лохмушки свои грязные ленточкой и вот вам, прошу любить и жаловать – хиппи. Еще б дезодорантом не забывали пользоваться. Полина

терпеть не могла этих девиц, вертящихся в компании Скворцова, и их заумные рассуждения об абстрактной живописи, про фильмы Тарковского и Феллини, книги Сартра и Франсуазы Саган. Полина, безусловно, и фильмы эти смотрела, и книги читала, только одного никак не могла понять, почему их непременно надо всякий раз обсуждать со значительным видом, используя малопонятные наукообразные слова. Создавалось впечатление, что обсуждающие невероятные доки в вопросах философии, и особенно философии буржуазной. Полина видела за всеми этими ухищрениями пустоту и откровенно скучала в такой компании, стараясь от друзей Скворцова максимально дистанцироваться. Но уж если Скворцов настаивал и вел ее на какой-то особый и важный для него концерт, Полина обязательно одевалась как можно более эффектно.

Бабушка, сколько Полина себя помнила, регулярно водила ее в филармонию, в Мариинский театр или Концертный зал консерватории, и Полина с детства знала, что на концерт надо принарядиться. А кроме того, она любила, когда все вокруг обращают на нее внимание. Иначе для чего она такой красивой уродилась?

Еще Скворцов злился, когда на Полину смотрели другие мужчины. Дай ему волю, так вообще бы в паранджу ее нарядил. Полине где-то в глубине души это даже нравилось. Она считала, что раз он ее так ревнует, то, значит, все-таки любит. А то слушаешь тут маму с бабушкой, так вооб-

ще никакому мужчине никогда не поверишь. Будешь от них убежать и прятаться. От греха подальше. Хотя чемпион этот очень даже ничего. Красивый, и улыбка у него добрая. Надо же, бабушка придумщица какая. Разводись со Скворцовым – и вот тебе чемпион. Чемпион-то где? В газете, а Скворцов – вот он. Скоро в дверь позвонит и жрать попросит. А тут мы ему макарон по-флотски и выдадим: «Кушайте, на здоровье, дорогой супруг, а вот без котлет вам придется обойтись. Некогда мне!»»

Чемпион

– Чернышев! Ты говно, Чернышев!

Михалыч разошелся не на шутку.

– Что ты о себе возомнил? Чемпион, мать твою за ногу!

Какой ты чемпион на хрен?

Далее шла целая серия непечатных ругательств, и Вовка даже заподозрил, что Михалычу сейчас станет нехорошо.

– В тебя, бл... страна столько денег вбухала, а ты хвостом решил вильнуть. Куда тебя гаденыша отпустят? Уйдет он, сука! Я тебе уйду, сволочь. Я тебя вот этими вот руками зашибу, – Михалыч сжал кулаки и потряс ими перед носом у Вовки. Потом отвернулся, смачно плюнул и пошел к причалам.

Михалыча было жалко. Хороший он человек и тренер отличный. Действительно, сколько времени и сил на Вовку потратил. Ведь с самого детства с ним. В чемпионы вывел. Можно сказать, во всем отца заменил.

Но еще жальче было маму. Мама Вовку растила одна. Отца он не помнил, а мама как-то старалась о нем не распространяться. Ну был и был такой Сергей Чернышев. Был да сплыл. Не полярник, не геолог, не геройски погибший летчик, а обычная сволота, которая алименты не платит и ребенка своего видеть не желает. Вовка, правда, подозревал, что и мама сама не особо горела желанием Вовку с отцом или его родственниками знакомить. Так что рос Вова Чернышев

без бабушек и дедушек, зная одну только маму, которая была для него всем, и до последнего момента совершенно не представлял, насколько ей тяжело. Попробуй-ка прокорми такую машину. Чемпион мира Вовка Чернышев после тренировки запросто сковородку котлет может умять. Приходит вечером домой и знай себе дверцей холодильника хлопает. А продукты там, можно подумать, сами вырастают волшебным образом. Конечно, он со всех соревнований привозил маме разные подарки, духи французские, платки шелковые, даже джинсы как-то привез, и еще, дурак, обижался, что она подарки его, даже не распечатывая, перепродавала каким-то своим знакомым и сослуживцам. Правильно, а потом на вырученные деньги ему же жратву покупала, чтобы в холодильнике все было. И сметанка рыночная, и сливки, и масло сливочное, и творожок. Ведь если Вовка картошку вареную наворачивает, то обязательно с маслом сливочным да с банкой сметаны сверху. Спортсменам надо хорошо питаться, им калорийная пища нужна, да побольше. И мясо. Вовка целую курицу запросто сожрать может, одни косточки сухие и блестящие останутся. Стипендию свою Вовка, конечно, всю до копейки матери отдавал. Но что это за стипендия – так слезы. Хотя и эти деньги на дороге тоже не валяются. Ребята, Вовкины сокурсники, все летом в стройотряды ездят, деньги зарабатывают, да и по вечерам промышляют, кто, как может, даже вагоны разгружают. А у Вовки сплошные сборы, режим, да тренировки. Конечно, во время сборов маме по-

легче, так как Вовка в это время за казенный счет подъедается. Но ведь она и на сборы к нему с котлетами приезжает, потому что ничего нет для ребенка лучше маминых котлет!

Плюс ко всему Вовку ведь еще и обувь-одеть необходимо. Он, сколько себя помнил, рос как на дрожжах. Недавно вот только остановился. Ясное дело, что кое-какие шмотки он себе с соревнований привозил, но этого все равно мало.

Сейчас, в самом разгаре перестройки маме, похоже, и во все невоготу стало. В проектной институте, где она всю жизнь проработала, стали зарплату задерживать, да и зарплата эта моментально в пыль превращается. А тут еще Вовка по весне в Неве на пути к каналу перевернулся, почки застудил, и пришлось даже в больнице поваляться. Мама чуть с ума не сошла, все свои сбережения на черный день с Вовкиных иностранных подарков припасенные, на лекарства для него ухнула. Лекарств-то в больнице нет никаких. В результате денег в семье и вовсе не осталось. Посему пора Вовке Чернышеву вылезать из коротких штанишек и становиться мужчиной.

– Все, сынок, не могу больше, мочи моей нет, но ты уж там поговори в федерации вашей. Может, тебе денег каких, как чемпиону подкинут?

После этих материнских слов Вовке стало нестерпимо стыдно, и он бегом помчался в федерацию, где ему посочувствовали, развели руками и сказали, что ничем помочь не могут, сами бедствуют. Разве что поспособствуют, чтоб в

университете ему талоны на бесплатное питание, как малоимущему, выдали. При этих словах Вовку бросило в жар, и он твердо решил уйти из спорта. А талоны эти пусть они себе в то самое место засунут вместе с его чемпионскими медалями, грамотами и кубками.

Конечно, самое тяжелое было – объявить о своем решении Михалычу, но Вовка понадеялся, что тренер его поймет. Однако, похоже, не понял. Вон как разорался. Вовка тяжело вздохнул и поплелся в раздевалку собирать вещи. Барахла набралось много. Когда он с тяжелым сердцем тащил все это через парк к автобусной остановке, его догнал Михалыч.

– Давай присядем. – Тренер кивнул в сторону скамейки.

Вовка вздохнул и сел на лавочку.

– Что, матери совсем тяжело? – спросил Михалыч, усаживаясь рядом.

– Матери тяжело, а мне, Иван Михалыч, очень стыдно. Понимаю, что вас подвожу, но не могу больше. Я ж мужик как-никак. Договорился уже, летом на шабашку поеду, а сейчас на хлебозавод в ночную смену устроился.

– А если я тебе тренерство в федерации выбью? Будешь мелюзгу тренировать, ну и сам в форме останешься.

Вовка понял, что Михалыч готов ему своих малышей отдать и лишиться при этом части собственных доходов. Эх, хороший он все-таки человек!

– Спасибо, Иван Михалыч, но я же все понимаю. Вы б мне еще денег сейчас из собственного кармана выдали. Спаси-

бо, я сам. Я вот даже в газете, как чемпион пропечатан, так что надо соответствовать. Ведь чемпион должен быть чемпионом во всем. Что это за чемпион такой, который у матери на шее сидит?

– Как знаешь, но и меня пойми, нечасто от тренера чемпионы уходят. Мне за это по шапке дадут.

– Не дадут. Все они понимают. Иван Михалыч, а можно я, если минутка свободная организуется, приходить буду?

Михалыч тяжело вздохнул и похлопал Вовку по плечу.

– Конечно, Чернышев, приходи. Я тебе рад буду, да и мелюзга посмотрит, чем чемпионы от остальных гребцов отличаются.

Вовка встал, Михалыч тяжело поднялся следом. Вовка протянул тренеру руку. Михалыч пожал ее, не сдержался и обнял Вовку. Вовке захотелось плакать. Тренер похлопал его по спине:

– Ну, все, греби отсюда, чемпион!

Вовка подхватил сумку и пошел к автобусной остановке.

Автобуса не было, и он от нечего делать стал разглядывать газетные обрывки на стенде Союзпечати. С одного из обрывков на него глядело собственное счастливое лицо.

– Какие люди! – раздалось из-за спины. Голос был с ярко выраженным армянским акцентом. – Молодой человек, а молодой человек, садись машина, кататься поедем, шашлык кушать будем, девчонок тискать. Вай?!

Вовка обернулся. У обочины стояли «жигули», из окна

которых торчала довольная рожа лучшего Вовкиного друга Арсена Мурадяна.

С Арсеном Вовка учился в школе до восьмого класса. Потом Вовка перевелся в интернат олимпийского резерва, а Арсен поступил в автодорожный техникум. Из-за этого они виделись редко, но дружить не переставали. В интернате Вовка учился, как в обычной городской школе, и жил дома. В самом интернате проживали только ребята из других городов. Из-за постоянных тренировок и соревнований учеба в интернате занимала не два года, как в обычной школе, а все три. В результате Вовка поступил в университет на год позже остальных своих ровесников. И к тому моменту, когда Вовка еще только перешел на второй курс, Арсен уже закончил техникум. После техникума отец, работающий дальнотойщиком, устроил Арсена водителем к себе в Совтрансавто, и они на пару бороздили европейские просторы. У Арсена завелись деньжата, и он первым делом купил себе подержанные «жигули», чем очень гордился. Вовка восхищался самостоятельностью Арсена и, честно говоря, немного ему завидовал. Особенно этим вот «жигулям».

Увидев Арсена, Вовка очень обрадовался и плюхнулся на переднее сидение «жигулей». На сердце было тяжело, и веселый, никогда неунывающий Арсен появился как нельзя вовремя.

– Арсен! Здравствуй дорогой! Ты тут откуда?

– Да, к бабушке ездил, посылку отвозил, гляжу, стоит та-

кой красивый парень! А я знаю только один такой красивый парень – это Вовка Чернышев. Шел бы ты, Вовка, в кино сниматься, прямо в Голливуд. Тебя бы взяли, точно тебе говорю.

– Обязательно, осталась сушая ерунда – язык английский выучить и без акцента разговаривать.

– На фига! Будешь играть американского армянина.

– Лучше китайца. Прищурился – и вперед. Ты куда едешь-то?

– Вова, не волнуйся, бензина полный бак, я тебя до дома доставлю в лучшем виде. Тебе пальто кожаное, случайно, не нужно? Хорошее, итальянское. – Арсен поцеловал кончики пальцев. – Тебе бы покатило.

– Точно покатило бы, только денег нет.

– Ай?! Чего сказал? Денег нет? У чемпиона мира денег нет? – Арсен схватился за голову и изобразил на лице страшное недоверие.

– Нет, Арсен. Вот ищу, где подзаработать.

– Ха! Арсен подскажет. Бери у меня кожаные пальто. Итальянские, точно тебе говорю, хорошие. И продавай у себя среди спортсменов. Спортсменам кожаные пальто ай как покатыят!

– Спекулянтom быть?

– Слушай, Вова! – Арсен всплеснул руками. – В Голливуд не хочешь, в спекулянты тоже не хочешь. Никак в грузчики готовишься? Или в бандиты? Спортсмены сейчас в бандиты

идут. Очень выгодно.

– Я подумаю. Хорошая мысль, особенно если знать, где кожаные пальто припрятаны. Итальянские, хорошие, – Вовка сделал свирепую рожу и завис над Арсеном.

– Шутишь, Вова! – жалобно пропищал Арсен, пригибаясь, поднимая руки вверх и изображая на лице невероятный испуг.

– А ты не шутишь, разве, что пальто твои настоящие итальянские?

Арсен ухмыльнулся.

– Слушай, какая разница – армянские, итальянские? Главное, кожаные! И стоят дешевле итальянских в два раза. Сапоги, кстати, итальянские тоже есть.

Во время этой беседы, не переставая размахивать руками, вращать глазами и причмокивать, Арсен вырулил на Кировский проспект и пристроился в хвост какому-то автобусу. Автобус ехал посередине дороги и нещадно вонял соляжкой, но Арсену никак было его не обогнать. Вовка стал разглядывать пассажиров автобуса и обомлел. У заднего окошка стояла очень красивая девушка. Она явно о чем-то задумалась и не замечала ни других пассажиров, ни Вовку с Арсеном в «жигулях». Вовка ткнул Арсена локтем в бок и кивнул в сторону девушки.

– Ай?! – вскрикнул Арсен и тут же прекратил свои попытки обогнать автобус.

– На маму мою похожа, – сказал Вовка со вздохом. – Мама

моя, знаешь, какая красивая в молодости была?

– А моя мама армянка, они все красивые, но эта... – Арсен зачмокал губами, закряхтел и заерзал, но так и не нашел подходящего слова. – Видал, глаза какие у нее? Синие-синие. У армянок таких глаз не бывает. Сейчас догоним, настоящую красоту упускать никак нельзя!

Потом Арсен не придумал ничего лучше, чем начать сигналить, высунуться из окна и размахивать руками, чтобы привлечь внимание таинственной незнакомки. Вовка тоже высунулся из окна «жигулей», махал руками и кричал:

– Девушка, девушка! Посмотрите, мы тут!

Наконец, кто-то из пассажиров обратил внимание на их усилия, люди начали смеяться. В этот момент раздался свисток, и Арсена остановил гаишник. Автобус поехал дальше, Вовка выскочил из машины и увидел, как девушка улыбается и машет ему рукой. Улыбка у нее была просто замечательная. С ямочками на щеках. Вовка со вздохом уселся обратно в машину, а Арсен с досадой стукнул рукой по рулю и, не переставая ругаться на армянском, стал рыться в своей барсетке в поиске документов. Гаишник неспешно подошел к автомобилю:

– Ну, молодые люди, что это вы тут за концерт устроили?

Арсен наконец нашел документы и протянул их гаишнику:

– Ай?! Командир, вот взял сейчас и всю жизнь человеку испортил! Это же девушка моей мечты была! И где мы теперь

эту девушку найдем? А? – Арсен горестно замотал головой.

Гаишник ухмыльнулся:

– Сама найдется. Ленинград город маленький. Это я вам точно говорю.

Гаишник проверил у Арсена документы, не нашел к чему придраться, козырнул и отпустил на все четыре стороны.

– Найдется, найдется! – проворчал Арсен, вырубивая от тротуара. – Вот вечно влезет какая-нибудь собака бешеная и все испортит! Тоже мне маленький город нашел. Как теперь на других девчонок смотреть, когда такая красота изпод носа ушла?

– Это точно! – со вздохом согласился с другом Вовка.

– А ты-то чего вздыхаешь? У тебя не все потеряно. Вон, Сусанна наша, чем не красавица? По-моему, ничем не хуже. Разве что глаза черные.

– Сусанна красавица, только братец у нее еще тот тип! Уж больно горячий. Нет, Арсенчик, с тобой польтами разными торговать – еще куда ни шло, а вот с твоей сестрицей хорооводиться, да если что в родственничках тебя иметь – извини подвинься! Мне мое здоровье дороже!

– Ай! Какое если что? Какое такое если что?!!! Я тебе покажу, если что! Это ж Сусанна моя!

– Вот, вот!

– Значит, пальто на реализацию возьмешь? – Арсен сделал невинную рожу и просительно заглянул Вовке в глаза.

– Попробую. У нас в университете разные типы учатся,

есть и богатые.

– Вот и хорошо. Очень хорошо. Я вот тут еще что придумал, у нас контора наша в разнос пошла, а возить туда-сюда всякую всячину надо. Есть у меня мысль организовать свою. Возить внутри города на «газельках» плюс транспортировка и экспедиция по стране и за рубежом плюс маршрутные такси плюс такси обычные. Транспорта-то городского уже практически не осталось. – У Арсена при этих словах загорелись глаза, а жестикуляция и вовсе зашкалила.

Вовка даже заволновался:

– Ты на дорогу-то иногда поглядывай все-таки. Идея, Арсен, у тебя очень хорошая, но на это все надо уйму денег.

– Ай! – Арсен хитро прищурился, – А армянские родственники на что? Помогут. У нас родственники друг другу всегда помогают.

– Тогда другое дело, я ж не знал, что у тебя есть американский армянин-миллионер в родственниках, – ухмыльнулся Вовка.

– Американский? Бери выше! – Арсен опять взмахнул руками, как бы показывая, где это «выше» находится. – У меня ереванский армянин в родственниках, и не один. А ты еще про армянских евреев ничего не знаешь! Они у меня в родственниках тоже есть. Какие там американские? Так – шаромыжники, голь перекатная.

Вовка представил армянских евреев с пейсами и огромными носами, сидящих за рулем фур, груженных кожаными

пальто, и заржал.

«– Смейся, паяц, над разбитой любовью!» – пропел Армен с чувством. – Ты со мной в это дело вступишь?»

– Подумать надо. Я ж вроде по образованию историк скоро буду, фуры водить не умею. Да что там фуры, я и такси водить не смогу. Прав-то у меня нет.

– Кому, Вовка, твоя история сейчас нужна, ай?! В школу пойдешь детишек учить? И чему? Истории-то капээсэс сейчас нету, всё, померла, слава тебе, Господи! – Армен размашисто перекрестился. – Новую историю пока не написали. А на фуру, ты прав, кто тебя пустит. Фуру водить непросто. Это дело серьезное, люди годами учатся. Она, фура эта, знаешь, когда в занос идет... Это тебе не звездные войны, а самый настоящий пипец!

Далее последовало замысловатой армянское выражение, и по виду Арсена Вовка понял, что для заноса фуры «пипец» слишком слабая характеристика.

– Ну и чего я в этой фирме твоей делать буду? – Вовка решил все-таки поинтересоваться. Так, на всякий случай. У Арсена насчет того, как денег заработать, соображалка всегда хорошо работала. Вон, даже «жигули» у него есть.

– Ты, Вовка, наденешь костюм. Специально тебе красивый пошьем у Кима Самсоновича. Возьмешь портфель и пойдешь в инстанции. Бумаги там разные, печати и прочие фигли-мигли. Директором будешь. Самым главным. – Арсен изобразил на лице большую важность.

– Ага! Зиц-председатель Фунт это называется! Он, знаешь ли, еще при царе сидел. Фигушки тебе, Арсенчик! Сам надевай костюм и по инстанциям беги.

– Дурак ты, Вовка! Фунт, Фунт! При чем тут Фунт? Ай?! Я тебя зову, потому что ты умный, в университете на пятерки учишься. Башка у тебя вон какая. А мы с отцом только и умеем что баранку крутить да торговать по мелочи. Я тебя не зиц-председателем зову, а компаньоном. Я, как только наш закон какой-нибудь читать начинаю, так все – баиньки, а ты разберешься. Ты серьезно подумай. Фирма транспортная это ж не ларек продовольственный и не рынок. Опять же у заказчиков и у государства к тебе доверия больше будет, ты ж чемпион из газеты.

– А что твои армянские евреи скажут?

– Ай, хорошо, скажут! Наконец-то хоть один умный человек среди наших ленинградских родственников будет. Конечно, лучше всего, если ты еще при этом на Сусанне женишься. – При этих словах лицо Арсена сделалось очень довольным, и он подмигнул Вовке.

– Знамо дело, что лучше, ты ж тогда не сможешь родственника под цугундер подвести!

– Что ты все заладил про цугундер этот? Дался он тебе.

– Жениться на Сусанне не хочу, вот и заладил. Перспективу увидал во всем, так сказать, свете.

– Не хочешь, не женись. – Арсен даже губы надул. – Никто не заставляет тебя.

- Вот, спасибо!
- А было б здорово!
- Нет, я сказал. Даже не мечтай.
- Нет так нет, кто спорит?

Городские

Некоторые думают, что Санкт-Петербург – это прежде всего центр с его дворцами и Невским проспектом. «Золотой треугольник» и все такое прочее. А вот и нет. Это все Петербург для туристов, потому как жить во дворце или на Невском проспекте нормальному человеку практически невозможно. Вот какие квартиры в этом самом центре? Правильно. Огромные, от прежних царских родственников и прихлебателей доставшиеся трудовому народу. Трудовой народ эти квартиры первым делом перегородил. Ведь на фиг в квартире два входа: парадный с улицы и черный – для прислуги? Нетути уже той прислуги, поэтому из одной квартиры запросто делается две. И ерунда это, что в одной из них вход прямо на кухню и никаких таких ванных комнат с кафелем не наблюдается. Горшок есть, и ладно. Опять же вид из окон. Одни квартиры оказались лицом своим на разную питерскую живописность обращены, а другие – окнами аккурат во двор-колодец.

«А музыка звучит, музыка звучит, слезы за улыбкой прячешь ты...» Какая все же замечательная акустика во всех этих дворах!

Но это все еще полбеды. Перегородив квартиры, трудовой народ прикинул, что, даже перегороженные, они для нормального проживания весьма и весьма велики, поэтому их

необходимо уплотнить. И таки уплотнили! Да еще как. Некоторые барские комнаты с лепными потолками и бесценными каминами и вовсе располовинили фанерными перегородками.

И стоит ли уже акцентировать ваше внимание на том, что подобные уплотнения с подселениями могут быть исключительно результатом действий приезжих? Если никто не понаехал, то зачем уплотняться? Короче, кого только в результате не понаехало в барские хоромы!

Конечно, новые нынешние буржуи и господа, как до власти и денег дорвались, кинулись эти квартиры обратно в барские перепрофилировать, но не тут-то было. Попробуй-ка рассели коммунальную квартиру в двадцать семей, все из которых хотят получить непременно отдельную квартиру и непременно в центре. Ведь запросы-то у как бы пролетариев о-го-го какие! Истинно пролетарские. Ну, вы знаете, «кто был ничем, тот станет всем». А некоторые так привыкли к жизни без удобств и в колхозе, что прямо готовы в ней и помереть, только б их никто не кантовал и не звал в мир горячей воды, отдельной кухни и белой ванной. Опять же алконавты. Поди, попробуй, поймай его, да еще в трезвом состоянии, да еще с паспортом, да еще, чтоб он с тобой к нотариусу пошел! Ха-ха-ха три раза. Так и живут нерасселенные. А посему во многие парадные питерского центра зайти страшно. И даже если часть квартир там уже расселены и отреставрированы в настоящее буржуйство, то в парадной все равно

грязно и пахнет кошачьей мочой, да чего греха таить, и не только кошачьей. Но новые буржуи все равно не сдаются и постепенно освобождают центр от коммуналок.

Однако существует еще одна проблема Питерского центра. Транспортная. Вот если, например, в барской квартире вид даже не на Невский проспект с его сумасшедшим движением и выхлопными газами, а на саму Неву, или там Фонтанку, или даже на канал Грибоедова, или Мойку, что ценится особо, то окна в такой квартире надо мыть не реже, чем раз в месяц, а то за копотью света белого не видно. Опять же автомобиль свой, а у некоторых даже не один и не два, где-то содержать приходится. Короче, жизнь в центре – это одно сплошное неудобство.

Другое дело – Петроградская сторона. Там изначально строились доходные дома для людей попроще. Посему квартиры не такие большие, а соответственно и коммуналки удоборасселяемые. А кроме того, Петроградская сторона по праву считается самым зеленым районом Петербурга. Можно сказать, легкие великого города. Тут тебе Елагин остров с Елагиным же дворцом, на территории которого трудящиеся разбили Центральный парк культуры и отдыха имени Сергея Мироновича Кирова, тоже довольно таки прищуренного товарища. Насчет культуры в этом парке как-то не очень, но вот отдых осуществляется на всю катушку. С народными гуляниями, песнями, танцами, распитием, блинами и сжиганием чучел. Есть на Петроградской стороне и Крестовский

остров с Приморским парком Победы и стадионом того же самого Кирова, а уж про Каменный остров с его советскими правительственными дачами и резиденциями и говорить нечего. Зелень сплошная. Даже парк под названием «Тихий отдых» имеется. То есть, для отдыха не на всю катушку, как в центральном парке, а для отдыха тихого и приличного, как и подобает отдыхать в непосредственной близости от правительственной собственности. Вот где селятся в последнее время настоящие богатеи.

Да и на самом главном острове Петроградской стороны Аптекарском зелени хватает. И зоопарк, и ботанический сад тут как тут. Так что, ежели где еще в парадной на Петроградке и пахнет кошками и некошками, то всегда можно выйти в ближайший сквер и вдохнуть вполне даже свежего воздуха. Однако во всем этом благолепии у Петроградской стороны есть существенный минус, а именно ее радиоактивность. Ведь непосредственно в этой части города на улице Рентгена находится сам институт Рентгена, что вкупе с большим количеством гранита, использованного для облицовки замечательных доходных домов, дает повышенный уровень радиации всего района. Так что жители Петроградской стороны в большинстве своем люди счастливые, отдельно проживающие от соседей, дышащие полной грудью, но слегка радиоактивные. Соответственно и разная Питерская нечисть в Петроградском районе проявляет себя особенно активно. И даже не только нечисть, говорят, что у местных участковых

глаза в темноте светятся зеленым светом. А на Гатчинской улице в любое время года по ночам можно увидеть Шурика, который едет на инвалидной коляске и тащит за собой Труса, Балбеса и Бывалого, а режиссер Гайдай сыплет на них сверху белую резаную бумагу.

Главная городская Фея гражданка Симагина обычно вызывает сотрудников на совещания по пятницам. Совещания проводятся в разных местах, и состав участников этих совещаний тоже непостоянен. Ведь у главной городской феи сотрудников не счесть. В этот раз совещание назначили на лавочке в скверике на улице Профессора Попова. В эту пятницу сама гражданка Симагина предстала перед участниками совещания в виде толстой тетки, дежурной метрополитена.

Змей явился в своем обычном облике – некогда стильный пиджачок на голую грудь, шерстяные синие тренировочные штаны и ботинки на босу ногу. Вещи у Змея всегда хоть и не новые, но чистые, аккуратно зашитые и отглаженные. Ботинки так и вообще аж сверкают. Вот до чего начищены. Да и сам Змей, несмотря на испитую рожу, еще мужчина хоть куда. Волосы длинные, почти до плеч, аккуратно уложены в стиле семидесятых в прическу под названием «шведский домик», и усы практически, как у настоящего «песняра», аж до подбородка. А глаза! Ну, до чего же у Змея глаза хороши. Недаром столько народу полегло под его обаянием.

Францевна, которая обычно выглядит, как старуха Шапокляк, в этот раз обернулась разбитной бабенкой в самом со-

ку. Обтянулась чем-то трикотажным и при каждом удобном случае колыхала в этом и грудями, и бедрами. Из местных был только Барабашка с улицы Мира. Выглядел он усталым лохматым мальчиком с печальными глазами.

– Францевна, ну до чего ж ты сегодня хороша! С чего бы это? Никак влюбилась? – поинтересовался Змей, зазывно заглядывая Францевне в глаза. – Уж не в меня ли?

– Вот еще! – Францевна передернула плечами, при этом грудь ее невероятным образом заколыхалась, да так, что Змей аж слюну сглотнул. – Ты себя давно в зеркале видел? Штанам твоим сто лет в обед. Такие, как мне помнится, мастерам спорта в году эдак шестидесятом выдавали. Пора бы тебе осовремениться, что ли.

– В красные нарядиться? С кандибоберами? «Боско-спорт»? Фу, какая гадость! Это оскорбит стройность моего миропорядка.

– Еще бы! Их ведь еще и не придумали, чтобы спортсменов наших нарядить, – согласилась Францевна. – Хотя постой-ка. Ах ты, гад!

Змей скромно потупился.

– Объясните рядовым, пожалуйста, – попросил Барабашка с улицы Мира.

Фея гражданка Симагина тяжело вздохнула и укоризненно покачала головой.

– Этот гад явился кому надо в угаре в таких вот красных штанах! А-ля рюс развесистая клюква, – с ехидцей в го-

лосе разъяснила Францевна. – После этого момента все наши спортсмены будут наряжены в красное с кандибоберами. Шутник!

– Ну так это еще когда будет! Лет через десять, не иначе. – Барабашка с улицы Мира посмотрел на небо и закачал ногой.

– Какая разница, когда будет. Он ведь уже явился, значит, будет обязательно. Больной, ей богу, больной! – Францевна заложила ногу на ногу. Трикотаж обтянул аппетитную коленку.

– Да, ладно! – Змей махнул рукой. – Красное – значит красивое. А лично для вас я обещаю в последствие к этим штанам припустить легкой голубизны. Ну, вы понимаете, в хорошем смысле этого слова. Гражданка Симагина, ты чего звала-то? Кому из этих ваших новых фигурантов я понадобился, Полине или спортсмену? Чемпион, надо же! – Змей фыркнул и замотал головой. – Сопля астраханская.

– Ни в коем случае. – Фея испуганно замахала на Змея руками. – Не смейте и думать.

– Сам не хочу. Мне больше Сергей Петрович Иванов по душе, или этот ... Арсен Мурадян.

– Да, пожалуйста, против этих ничего не имею. А для моих подопечных от вас требуется, только чтобы вы вовремя появились. По моему сигналу.

– Не вопрос. Я всегда тут как тут, только свистните. Могу идти? – Змей слегка привстал.

В это время мимо лавочки прошел благообразный хорошо

одетый старик с бородой, усами и пенсне на носу. Он приподнял свою шляпу и вежливо поздоровался с гражданкой Симагиной.

– Это ктой-то? – поинтересовался Змей, шлепаясь обратно на скамейку.

– Профессор Попов, – пояснила фея.

– Сам? – хором воскликнули Змей и Францевна.

– Конечно, нет. Сам профессор сейчас задействован по назначению. А это улица.

– Как это? – удивилась Францевна. – По улицам вроде бы у нас я специалист.

– Это не сама улица, – стала разъяснять гражданка Симагина, – а представление о ней. Вот когда человек говорит «Улица Профессора Попова», то в голове своей сразу представляет настоящего профессора. И он представляет, и тот, кому он про эту улицу говорит, тоже представляет не что-нибудь, а именно его, Профессора с большой буквы. Вот Профессор и учудился. Кстати, Профессор прекрасно общается с Академиком Павловым. Улицы же рядом.

– Ага! Вы хотите сказать, что по улице Солдата Корзуна сам солдат Корзун ходит? – Глаза Змея от удивления аж перестали быть магически обаятельными.

– Не знаю. Солдат Корзун в новостройках, а феи там не бывают. Это Францевне лучше знать.

– Нету там никакого солдата Корзуна! – со значением поведала Францевна.

– Скорее всего, так и должно быть, – согласилась с ней гражданка Симагина. – Он наверняка развеивается. Там же в новостройках улицы широкие, дома друг от друга далеко стоят, вот солдат Корзун и развеивается.

– Похоже, вы правы. А я вот интересуюсь, – Францевна развернулась к Змею, от которого не укрылось язвительность в ее голосе. – Почему Змей о новостройках вопросы задает? Неужто, он в спальных районах не бывает. Там что, теперь все трезвенники живут?

– Не царское это дело на периферию отвлекаться. – Змей со значением погладил усы. – У меня для этого змееныши на подхвате. Ну какой, скажите, мне интерес иметь дело с отдельными смурными людьми, которые напиваются у себя в отдельных же квартирах до бесчувствия. На худой конец поножовщину устраивают. Тьфу, какая гадость. – Змей смачно плюнул. – В центре, согласитесь, людишки поинтереснее. Философы и мирозерцатели. Опять же компании. Да ну их, эти новостройки, к бесу. Пойду я, пожалуй.

– Идите, голубчик. – Фея вздохнула.

Змей встал и пошаркал к выходу из сквера.

– Ну совершенно не меняется, – глядя ему вслед, заметила Францевна. – Я так понимаю, от меня требуется максимально возможно Полину вашу с Чемпионом сбивать в кучу и пересекать всячески?

– Умничка.

– Скажите, а почему вы так за них печетесь? Вне очереди

их, так сказать, опекаете. Ни тебе розовые кусты посади, ни крупу перебери, ни познай самое себя? Как будто очередников у нас мало.

– Очередников никто не отменял. Это задание, так сказать, несколько сверх плана. Я думаю, что не все так просто и крупу перебрать до момента своей встречи они как раз успеют. Кроме того, нравятся мне эти ребята, да к тому же женщина хорошая за них просила. Очень.

– Если хорошая, тогда понятно. Значит, блатные. Я тоже пойду?

– Идите, милочка. Вам несказанно идет вот это вот трикотажное. Надевайте почаще.

– Спасибо. – Францевна поднялась со скамейки и заколыхалась к выходу.

– Мужчина! Извините, я не местная, вы не подскажите, где здесь набережная реки Карповки? – донесся до оставшихся на скамейке игривый голос Францевны.

Фея усмехнулась.

– Ну как живешь? – поинтересовалась она у Барабашки.

Тот болтал одной ногой и смотрел по сторонам своими невероятно печальными глазами.

– Да ничего. В семнадцатой новые жильцы, ремонт делают, пришлось в восьмую перебраться. Там тоже камин есть.

– А как там мои? Ты их не обижаешь? – Фея почесала Барабашку за ухом. Тот мыркнул и прижался к ее толстому боку.

– Нет, что вы. Бабушка у них уж больно хорошая. Всегда мне денежку дает.

– Ты ей глянулся, что ли? – В голосе феи просквозил испуг.

– Так вышло. Она пришла, а я котом. Она и говорит, мол, выходи, покажись, знаю, что не кот!

– А ты?

– Показался.

– Не испугалась?

– Нет. По голове гладила и плакала. Жалеет меня.

– Видать заберут ее скоро. – Фея тяжело вздохнула. – Ну, да хорошему человеку дело подходящее там всегда найдут.

Фея потыкала пальцем в небо, и Барабашка закивал.

– Может, к нам? – поинтересовался он с надеждой в голосе.

– Они решат. Хочешь денежку?

– А то. – Личико Барабашки расплылось в счастливой улыбке.

Гражданка Симагина достала из кармана жетон метрополитена и протянула его Барабашке. Тот схватил жетон, засунул его в рот и проглотил:

– Вкуснятина. Вот у Полины булавки гораздо хуже.

– Хулиганничаешь?

– Не, только булавки.

– Правда?

– Ну, еще шутю иногда.

– Надо говорить шучу. И как шутишь?

– Газеты беру у папы, мне ж надо почитать чего-нибудь.

У бабушки не беру. Только у папы.

Фея улыбнулась и погладила Барабашку по голове. Тот опять муркнул.

– И все?

Барабашка вздохнул и сделал честные глаза.

– Ну? – Гражданка Симагина явно не собиралась от него отставать.

– Не люблю я Скворцова этого.

– Почему?

– Врет он все. Даже когда поет. Песню вроде бы поет хорошую, душевную, а без души. Зря Полинка надеется, что его в телевизор возьмут. Без души не возьмут.

– Согласна, ну а ты чего Скворцову этому делаешь?

– Проездной прячу и пропуск на работу. – Барабашка шкодливо захихикал.

– А он чего?

– Орет как ненормальный и бесится.

– Так он же небось на Полину орет?

– Вот и хорошо.

– Чего ж хорошего?

– А она его быстрее разлюбит, если он на нее орать все время будет.

Гражданка Симагина засмеялась и взлохматила непослушные вихры Барабашки.

– Не может она его разлюбить.

– Почему? – удивился Барабашка, аж губу нижнюю выпятил.

– Потому что она его не любит.

– Как это?

– Просто. Так бывает. Думает, что любит, а на самом деле не любит.

– А Чемпиона?

– Его любит, только об этом еще не знает.

– О. – Барабашка шмыгнул носом. – Больше денежки нет?

– Нет.

– Ну, я пойду?

– Иди. Береги бабушку.

– Угу. – Барабашка спрыгнул со скамейки и помчался к выходу из сквера. Ни дать ни взять шестилетка.

Гражданка Симагина еще минуту посидела в задумчивости, а потом тяжело поднялась и направилась вслед за Барабашкой.

Полина

В научно-исследовательском институте, куда ее устроил папа через своего чрезвычайно благодарного пациента, Полине понравилось. Там в советское время проектировали подводные лодки, а с началом перестройки приспособились к проектированию нефтяных платформ для добычи нефти на шельфе. В отличие от других научно-исследовательских и проектных институтов этот институт не бедствовал, а очень даже процветал. И платили там вполне прилично. Полина понимала, что ей повезло. Ведь, когда она заканчивала институт, там уже полностью отменили распределение, и устроиться на работу, особенно с ее технической специальностью, стало практически невозможно. Инженеры стране не требовались. Стране нужны были бухгалтеры, экономисты и юристы. Многие однокурсники Полины пошли переучиваться, некоторые челночили в Польшу и стояли на рынках, а кое-кто даже открыл свои продуктовые ларьки. Самые везунчики каким-то чудом устраивались в банки, а особо одаренные уезжали на работу в Америку. Один даже в Швейцарии пристроился. За особо выдающиеся мозги взяли.

У Полины мозги были самые обычные, но в институт, где она теперь работала, с улицы было не попасть, даже с выдающимися мозгами.

Директор института был человек заслуженный, академик,

у которого чудесным образом оказалась очень развита коммерческая жилка. Он не сидел, как другие, ожидая от военно-промышленного комплекса привычных субсидий, заказов и прочей манны небесной. Он пытался извлечь максимальную выгоду из доставшегося ему благодаря перестройке ресурса. А ресурс, надо сказать, был весьма и весьма незаурядный. Жирненький такой. Кроме работы на нефтяные компании страны, институт имел заказы и от крупнейших иностранных нефтяников. Недостроенные новые корпуса были срочно реконструированы под бизнес-центр и гостиницу. Рядом, опять же на собственной территории, строился новый океанариум. У института даже имелась доля в одном из крупнейших банков. Благодаря этому институт был оснащен суперсовременной техникой и новейшим программным обеспечением.

Полину приняли в отдел вычислительной техники. Отдел был небольшой, с устоявшимся дружным коллективом и обворожительным начальником Сергеем Петровичем Ивановым. Правда, он настаивал, чтобы Полина, как и все в отделе, звала его Сережа, хоть он и был старше ее аж на целых десять лет. Называть такого взрослого дядьку Сережей у Полины язык не поворачивался, и она стала звать его Петрович. Это начальника устроило. Даже вроде бы понравилось. Петрович соответствовал всем бабушкиным представлениям о чемпионах. Каковым он, собственно говоря, и являлся, выиграв в свое время какой-то ленинградский чемпионат по

боксу среди юниоров. Он был высок, не так уж чтобы красив, но определенно породист. И квартира с машиной у него тоже была. И машина была не какая-нибудь, а «Волга». Правда, был у Петровича и явный недостаток – он хоть и не был женат, но отличался широким сердцем и невероятной любвеобильностью. То есть, как самый настоящий кобелюка, ни одной юбки не пропускал. Но, как кобелюка не простой, а породистый, получив отказ на свои домогательства, не расстраивался, а весело бежал дальше, моментально переключаясь на какой-нибудь другой объект. Только что хвостом не вилял. Расставался он со своими пассиями тоже как-то легко и непринужденно. Без слез и скандалов. Дружил обаятельный Петрович со всеми, поэтому и его самого, и его отдел в институте любили, баловали хорошими зарплатами и премиями. Как ни странно, Полина оказалась единственной, к кому Петрович со своими кобелиными чарами не подкатывался. Он как-то сразу определил ее как «дитё» и стал терпеливо обучать специальности.

Атмосфера в отделе и в самом институте царила чудесная, поэтому Полина по утрам буквально летела на работу. Особенно ей нравилось идти по утрам по длиннющему институтскому коридору, здороваясь со всеми встреченными по пути сотрудниками. В институте работало очень много мужчин, и Полина, проходя по этому коридору, видела в их глазах восхищение и чувствовала себя топ-моделью на подиуме. Это было очень приятно. Кроме того, старания Петровича по ее

обучению не пропали даром, и Полина стала разбираться в предмете своей работы. Петрович ее хвалил, а Полина уже строила большие карьерные планы, и вот на тебе!

Когда у нее случилась задержка, она первым делом сообщила об этом бабушке, справедливо рассудив, что именно она знает все на счет капусты, в которой находят детей.

– Буль, может мне в ванне посидеть? Говорят, это помогает.

– Ха! – Бабушка спустила очки на кончик носа и внимательно посмотрела на Полину. – У тебя, милая моя, такая наследственность, что никакая ванна не поможет. Уж если в наш организм чего попало, то все – одна дорога в роддом! Я в свое время даже с яблони прыгала. Аборты ж запрещены были. Ничего не помогло. В результате у тебя дядя имеется. Правда, может, он такой непутевый уродился из-за той самой яблони? Так что не советую я тебе ни в какую ванну лезть. Делай аборт, ну, или рожай. Небось прокормим как-нибудь. Ясное дело, что на барда твоего песенного надежды никакой.

– Рожать чего-то не хочется. – Полина вздохнула и представила, как она идет по институтскому коридору с огромным пузом. Уж какое там восхищение? В лучшем случае сочувствие. Опять же подводить папиного пациента, который устроил Полину на работу, совсем не хотелось. И что о ней Петрович подумает? Не успела еще толком разобраться, что к чему, и сразу в декрет. Вот так работник! Да и вообще,

роды в ее планы совсем не входили. Полина хотела сначала карьеру сделать. Уж если не на место Петровича попасть, то как следует в институте закрепиться, прослыть незаменимым специалистом.

– А если не хочется, так чего не предохранялась? Сейчас чего только нет, живи да радуйся. Спираль чего себе не поставила? – Бабушка проявила недюжинную осведомленность в современных средствах контрацепции.

– Дура.

– А я тебе о чем с утра до вечера талдычу? Что ты дура и мать твоя дура, а вы все почему-то со мной спорите.

– Буль, не ругайся! А аборт больно делать?

– Конечно больно, если без наркоза.

Полина испуганно посмотрела на бабушку.

– А что, бывает, что без наркоза?

– А ты как думала? В той мясорубке на улице Комсомола, в нашем городском абортарии, наркоз дают?

– А как же?

– Да вот так. Мать свою спроси.

– Это ж фашисты какие-то, а не врачи!

– Фашисты и есть. Я вот надеюсь, что их скоро во всех в газетах поименно пропишут. Гласность как-никак. Но дело даже не в этом, а в том, что после первого аборта женщины, бывает, становятся бесплодными. Ты готова?

– Нет. – Полина не на шутку перепугалась. – Значит, рожать придется?

– Сама решай. Ты ж бабушку не слушалась никогда, чего сейчас вдруг меня спрашиваешь?

– Может, еще просто задержка?

– Я-то откуда знаю. Сходи к доктору. Только в консультацию вашу не ходи. Там не доктора, а черт знает что. Дай мне книжку мою записную. В сумке лежит.

Полина достала бабушкину огромную записную книжку.

– Так, посмотрим. – Бабушка листала записную книжку, внимательно вглядываясь в каждую страничку. – Ох, не разбери поймешь меня. Тоже дура, как и все вы. Вот спрашивается, как можно в книжку записать доктора-гинеколога Тамару Михайловну Андрееву? На букву «Д», на букву «Г», на букву «Т» или на букву «А»?

– Наверное, все-таки на «Г». Гинеколог.

– А вот и нет! На букву «Р». Нашла. Роддом на Фурштадской, это бывшая ваша улица Петра Лаврова – убийцы.

– Почему убийцы? Он же вроде философ был?

– Ну, да! «Народная воля», наверное, известная подпольная философская организация. Все они философы, а самый главный у них – Ленин.

– Буль, сейчас уже обратно переименовали. И Петра Лаврова, и Воинова, и Каляева.

– Есть бог на свете, – бабушка перекрестилась. – А Чайковского?

– Оставили. Он же композитор.

– Это Петр Ильич композитор, а этот Николай, тоже, как

и Лавров ваш, народоволец, это потом уже он эсэром заделался. Конечно, он из них самый толковый был, хоть и после революции, а ошибки свои признал и стал антисоветчиком. Это революционеры наши ленинградские обделались, когда улицы в честь своих идеологов и героев переименовывали. И чего им в результате осталось? Только постную мину сделать и сказать, мол, Николай Чайковский тут ни при чем, мы за композитора Чайковского старались. Он, видите ли, на этой Сергиевской проживал. Смешно, ей богу! Петр Ильич на Сергиевской всего-то один год и жил. Ну да ладно, пусть будет улица композитора Чайковского.

– Буль, ты так переживаешь, как будто всех их лично знала. И Петра Лаврова, и Каляева.

– Не знала, слава тебе господи. Я ж в революцию совсем еще сопливой девчонкой была, но нашу жизнь до этого безобразия хорошо помню. И камин в парадной, и ковровую дорожку на лестнице, и канделябры бронзовые, и зеркало, и Глафиру, домработницу нашу, помню. Да упокоится ее душа. И как из нашей собственной квартиры коммунальную сделали, тоже помню. И как потом ночами мы не спали, ждали, что придут. Они ночами приходили и забирали. Так я ночей уже до смерти боялась. Чего уж тут удивляться, что я всех подряд революционеров недолюбиваю.

– Наша квартира была коммунальной?! – Ничего такого Полина не помнила.

– А как же! Это уж после войны дед твой, царствие ему

небесное, обмен с разменом и доплатами учинил, чтобы нам свое же вернуть. Ну до чего ж хороший человек был Иннокентий. Вот бы тебе такого найти, я б тогда спокойно померла. А то у одной хоть и хороший мужик, да ни рыба ни мясо, а у другой и вовсе недоразумение. – Бабушка вздохнула и махнула рукой. – Ты как себя чувствуешь-то? Не тошнит?

– Не-а. Вот только... – Полина задумалась.

Она действительно чувствовала себя очень хорошо, однако последние дни у нее не было никакого желания покурить. Более того, курение вызывало у нее отвращение. Но не говорить же об этом бабушке.

– Что?

Ну вот. Проболталась, теперь бабушка ни за что не отцепится.

– Да так, буль, ничего.

– Ну-ну! Небось курить совсем не хочется?

Полина аж рот разинула. Ну и умная же у нее бабушка, как только догадалась.

– Дура ты, Полина, думаешь, я не знаю, что ты втихаря в форточку куришь. Я и сама в твоём возрасте курила. Тоже дура была. Уж очень мне папиросы с мундштуком нравились. Красиво. Мне очень шло, между прочим. – Бабушка при этих словах кокетливо поправила прическу.

Полина представила бабушку с длинным мундштуком. Картина получилась просто восхитительная, почему-то черно-белая, какая-то киношная.

– А потом, когда забеременела в первый раз, все, как отрезало. Как только этот мундштук видела, так сразу нехорошо мне становилось. И вино пить не смогла. Тот же эффект. Так что ты, Полина, беременна. Факт.

– Буль, а чего ты потом курить опять не начала?

– Так дурой быть перестала. Ты же знаешь, что я в семье у нас самая умная. Вот помру, тогда уже ты будешь. На мать твою надежда совсем плохая. Поэтому перестань быть дурой и ступай к врачу. Она женщина толковая и все тебе грамотно объяснит и про аборт, и про наркоз, и про последствия.

Чтобы сходить в роддом к врачу, которая принимала только в дневные часы, Полине, к неудовольствию Петровича, пришлось взять день за свой счет. Докторша была дамой в возрасте и Полине очень понравилась. Она подтвердила бабушкин диагноз о беременности, рассказала, где и за какие деньги можно безболезненно от ребенка избавиться, а потом в красках расписала Полине последствия первого аборта. И Полина тут же решила, что будет рожать ребеночка, тем более что за это время уже как-то привыкла к присутствию его у себя в животе. Ребеночек-то ничем не виноват. Это Полина полная дура, почему ребеночек через ее дурость должен жизни лишаться? Интересно, что Скворцов скажет?

Такие вот мысли теснились у Полины в голове по дороге домой. Она вышла из метро на Петроградской, и тут же подошел нужный автобус. Повезло. Автобус был полупустой,

и Полина заняла свое любимое место у заднего окна. Ей нравилось стоять здесь, смотреть из этого огромного окошка на людей и на машины. Автобус вывернул на Кировский проспект и не спеша потащился в сторону дома. Кировский уже переименовали в Каменноостровский, но Полина еще не привыкла к этому названию. Вон, бабушка всю жизнь к советским названиям привыкала и не особо-то и привыкла. А Полина ведь родилась в городе Ленинграде и жила всю жизнь на площади Мира, что на Кировском проспекте Петроградской стороны. Сейчас, никуда не уезжая, можно сказать, живет в другом городе и площадь Мира теперь Австрийская.

Из окна автобуса Полина разглядывала знакомые с детства дома и переживала за то, что они буквально разваливаются на глазах. В городе царил откровенная разруха. Ну как в таких непонятных условиях ребеночка рожать? Ведь никакой уверенности в завтрашнем дне у Полины не было. Это у всего советского народа в полном составе такая уверенность была.

От печальных мыслей ее отвлекла старуха, стоявшая рядом у заднего окна.

– Ишь, морды черномазые, понаехали! – злобно проворчала она, глядя на дорогу.

Полина очнулась от своих дум и увидела, что за автобусом едут потрепанные «жигули», из окон которых, размахивая руками, выглядывают два парня. Парни были очень да-

же симпатичные и привлекали внимание не кого-нибудь, а именно Полины.

– Почему черномазые? – спросила Полина у старухи.

Негров в машине вроде бы не наблюдалась.

– А какие они, по-твоему? – удивилась старуха.

– Да вроде бы нормальные. Даже симпатичные.

– Вот найдут тебя изнасилованной с перерезанным горлом, тогда и поймешь, какие они симпатичные!

Полина аж отшатнулась. Ничего себе мысли у старушки.

В это время гаишник остановил «жигули». Один из парней выскочил из машины и с тоской посмотрел вслед удаляющемуся автобусу. Лицо его показалось Полине смутно знакомым. Она улыбнулась и помахала ему рукой.

Вечером, когда Скворцов пришел с работы, Полина рассказала ему про беременность и поделилась всеми своими сомнениями, включая неуверенность в завтрашнем дне. Скворцов никакой такой неуверенностью не страдал и беременности Полины обрадовался.

– Не бойся, Польшка, проживем как-нибудь! А давай в деревню жить уедем! На свежий воздух. Козу заведем. Козье молоко очень полезное.

Полина представила, как она доит козу, а Скворцов играет на гитаре. Картина ей совершенно не понравилась.

– Нет, Вадик, я надеюсь, что ситуация у нас еще не до такой степени аховая, чтобы на козу рассчитывать.

– Вечно тебе не нравится все, что я предлагаю, – обиделся

Скворцов.

– Это потому, что ты ничего путного обычно не предлагаешь. Ну что за фантазии такие? Деревня, коза...

– Ничего не фантазии, а конкретное предложение.

– Конкретное? Тогда скажи, пожалуйста, где находится эта деревня, где нас ждут не дождутся, и сколько стоит коза?

– Ну-у-у, я так глубоко вопрос не изучал.

– Тогда не мели чепухи. Я козу доить не собираюсь. – Полина разозлилась, и в первую очередь на себя. Ну чего она, спрашивается, с ним в полемику вступила. С фантазером.

Скворцов насупился и достал сигареты.

– Вадик, в присутствии беременных курить нельзя. Это для ребенка вредно.

– Может мне вообще уйти? – Несмотря на решительность в голосе весь вид Скворцова говорил о том, что конечно же он никуда уходить не собирается.

– Я этого не говорила. – Полина подошла к обиженному Скворцову и поцеловала его в щеку. – Иди курить на лестницу. Только пепельницу возьми, а то соседи ругаться будут из-за окурков.

Скворцов обнял Полину и поцеловал ее в макушку. Вот, кстати, еще одно положительное качество ее супруга. Он никогда долго на нее не обижался.

– Извини. А чего еще нельзя? Сексом-то можно заниматься?

– Нужно, – рассмеялась Полина. Вот никогда бы не поду-

мала, что его будет волновать этот вопрос.

– Хорошо. Это очень хорошо.

– А вот нервировать меня нельзя. Буду психовать, и ребеночек психованным родится.

– Я постараюсь.

– Ты, главное, пой и играй. Это у тебя лучше всего получается. Дети музыку слышат. Хорошо бы, чтобы у нашего ребеночка твой музыкальный слух оказался.

– Как думаешь, кто там у нас? Мальчик или девочка? А вдруг оба? – Скворцов сделал большие глаза.

– Типун тебе на язык. Нам бы одного прокормить.

– Тогда пусть будет мальчик.

– Хорошо. Как скажешь, так и будет. Пойдем-ка на кухню, я там целую кастрюлю борща наварила и ног куриных нажарила с чесноком и сметаной, как ты любишь. У меня ж сегодня вроде как выходной день получился.

– Ух ты! То-то я думаю, так вкусно пахнет. А твои дома? Что-то телевизора не слышно. – Скворцов прислушался, даже руку к уху приложил. В квартире стояла тишина.

– Они в гостях, всем коллективом.

– Ура!

Скворцов подхватил Полину на руки и потащил ее на кухню. Полина чувствовала себя совершенно счастливой.

Городские

– Самый страшный зверь – это человек! – торжественно провозгласил Змей, почесывая нос.

Вместе с Барабашкой с улицы Мира они развлекались, развесившись на антенне дома номер десять по Стрельнинской улице. У Змея, зацепившегося ногами за антенну, съел его стильный пиджачок, и тому, кто мог бы увидеть, открылась бы картина крепкого загорелого мужского живота с кубиками мышц. Такой живот совершенно не вязался с обликом опустившегося ловеласа, который Змей облюбовал последние сто лет. У Барабашки с улицы Мира от висения вверх ногами тоже задралась рубашечка и оголился его совсем недетский животик. Очень далеко недетский животик. Животик Барабашки был шерстяным, рыжим и полосатым. У стороннего наблюдателя, опять же, если б он мог бы видеть всю картину, обязательно возникло бы желание этот животик почесать.

– Ты про что? – поинтересовался Барабашка, вслед за Змеем потирая нос.

Нос нестерпимо чесался, но Барабашка вовремя спохватился и остановился. Ведь доподлинно известно – тот, кто чешет нос, будет сегодня же выпивать в больших количествах. А уж если нос чесать в компании со Змеем, то не приведи господь! Барабашка этого себе позволить никак не мо-

жет.

Барабашкам выпивать совершенно противопоказано. Ведь пьяный барабашка первым делом чего делает? Правильно! Балуется со спичками. А уж если барабашка взял в руки спички, то пожар неминуем. А за пожаром и сам барабашка может сгинуть. Ну, это, конечно, зависит от того, сколько выгорит. Раньше-то, когда дома деревянные были, целый квартал выгореть мог. Тут уж и барабашке приходил конец. Он же без домов никто. Чистый исчезник. Эта истина крепко-накрепко сидит в башке у каждого барабашки, но срывы все-таки иногда случаются. А отчего, вы думаете, вдруг дома ни с того ни с сего загораются? Уж не от старой же проводки или утечки газа в самом деле! Смешно, ей-богу.

А тут еще и Змей непосредственно под боком. Так и вьется, так и вьется. Ведь спит и видит, как бы барабашку какого-нибудь запутать да прибрать к рукам. Всем известно, как Змей фейерверки любит. Вот и дискуссию непонятную про страшных и злых людей небось неспроста затеял. В доверие втирается. Мол, Барабашка расстроится и напьется с горя.

– Да, удумают всякого, а потом разгребай! – раздраженно пояснил Змей свою мысль.

Барабашка все равно ничего не понял.

– Ты про бибиков? – задал он Змею уточняющий вопрос.

По его разумению, беспокоить Змея должны были только бибики, до которых напивались его клиенты. Ведь за явлением бибиков к человеку обычно приезжали уже санитары и

сам доктор-алкоголик с капельницами. Страждущего определяли больным, выводили из запоя, и тому некоторое время с перепугу было не до Змея.

– Ха! Бибики – это полная ерунда. Они меня только усиливают. Это поначалу клиенты мои пугаются и идут в завязку. А потом как миленькие ко мне скачут. В рученьки мои. Ведь редко кто, допившись до бибиков, на этом останавливается. Во всяком случае, мне о таких людях ничего не известно. Любопытство-с! Они-с, видать, хотят знать, что там дальше. За бибиками. А там я собственной персоной. Так что бибики – это определенно некая точка невозврата.

– Тогда не понял, – откровенно сознался Барабашка с улицы Мира. Уж больно все мудрено. Чего он, этот Змей, о себе думает? Ишь, кроссворд нашелся.

– Я тут вчера на Бармалеева куролесил, – со значением сказал Змей и подмигнул Барабашке.

– Ну? – Барабашка уже начал терять терпение.

– Знаешь, кого повстречал?

– Неужто самого Бармалеева? – с раздражением заметил Барабашка.

– Его, да не совсем. Как говорится, он, да не он. Да, Федот, да не тот. Усищи, как у таракана, шляпа треугольная и нашлепка круглая на одном глазу. И в целом как артист Роллан Быков. Глазами вращает, шпорами гремит. Народ обалдевает.

– Как это? И народ его видел? – удивился Барабашка.

– Ну не все, конечно. – Змей скромно потупился.

– Ага. Это те, которые бибики не дождались, значит, с Бармалеевым повстречались. – До Барабашки наконец дошла мысль Змея.

– Так я тебе о том и талдычу. Я ж процесс как-то контролировать должен. Бибики, чертики, зеленые человечки! А теперь вот уже и улицы ходячие.

– Странное дело, раньше я про улиц ходячих не слыхивал.

– То ли еще будет! Говорят, процессы усиливаются. Мысли материализуются чуть ли не моментально. А мне ли не знать, чего у этих уродов в голове понапихано!

– Ты, это, на Скороходова на всякий случай не ходи, – решил пошутить Барабашка.

– Думаешь, Скороходов там?

– Он, да не он! Федот, да не тот! Не исключено, что в сапогах-скороходах с королевским указом в руке!

– Жуть какая. – Змей заржал, видимо представил этого самого Скороходова.

– Слушай, Змей, сдается мне, что ты людишек сильно недолюбливаешь. С чего бы это?

– А чего мне их любить? С какого такого перепуга?

– Ну как! Ведь без них и нас бы не было! Это ж они мысли своими головами думают, а те потом материализуются. Вон, даже улицы сами по себе появились. А не будет головы с мыслями, и нас с тобой тоже не будет. Мы же с тобой кто?

– Кто?

– Вымышленные персонажи. Плод народной фантазии и устного народного творчества.

– Не уверен. Абсолютно не уверен. Мы же кроме всего прочего зрим в будущее и можем влиять на ситуацию. На тех же людишек. Руководить ими так или иначе. Это что ж выходит? Они своими мыслями нам с тобой силу дали?

– Выходит, что так.

– Не может быть. Ведь люди – существа мерзкие, подлые и злобные. А мы по большому счету существа вполне даже добродушные.

При этих словах Змея Барабашка аж фыркнул и замахал руками. Добродушных нашел. Особенно Змей из всех самый добродушный!

– Вот смотри, – не унимался Змей. – Ты, я, гражданка Симагина, даже зловредная Францевна, мы когда-нибудь друг другу гадости делали?

– Нет, мы только людишкам, и то иногда. Конечно, гражданка Симагина не в счет, она ж фея, а те мухи не обидят. – Барабашка с улицы Мира во все глаза глядел на Змея. Видать, чувствовал, что Змей сейчас близок к откровению. И не какому-нибудь там дурацкому, найденному в вине, а откровению свыше!

– Вот, именно! – Змей поднял вверх указательный палец. Но так как он висел вверх ногами, то палец его уставился в грязную питерскую крышу. – А вот людишки с самого своего рождения друг другу гадости делают. Добро б еще только

сами, они еще и нас в свою войну вовлекают.

– Неужто все поголовно друг другу вред приносят?

– Все! Ты сам подумай. Вспомни жильцов своих на Мира. Барабашка задумался.

– И бабушка?! – воскликнул он после недолгой паузы.

– Насчет бабушки не знаю. Не уверен. Может, она фея прижизненная. Но вот мои клиенты все как один, подлые вредители.

– А я слышал, что наши Питерские алконавты – люди безобидные. Даже в газетах прописано. Мол, в Питере бомжи и те философы.

– Это они для посторонних людей безобидные философы, а для своих родных и близких они и есть самая настоящая ходячая беда. Людишки ведь так устроены, чтобы в первую очередь насолить родным и близким, а потом уже соседям и участковому.

Барабашка тут же вспомнил семью Рябинкиных из одиннадцатого дома. Уж до чего мальчишка Рябинкин вредный уродился. А как не быть вредным при такой сумасшедшей мамаше? Сначала сюсюкает, потом орет как ненормальная, еще и ремня всыпать может. Дура психованная. А как ей такой психованной не быть, если Рябинкин-старший, чуть что ей назло идет пиво пить с друзьями. Да и того понять можно. Когда в доме полная психбольница, мужику одна дорога – в объятья к Змею. Или к любовнице. У Рябинкина-старшего любовницы нет, вот он к Змею потихоньку и наладился. А

младшему Рябинкину ничего не остается, кроме как безобразничать, чтоб родительское внимание к себе привлечь. Да уж! Замкнутый круг какой-то и одна сплошная вредность. Выходит, Рябинкины друг друга нашли, про любовь слова сказали, поженились, а потом и ребеночка завели, чтобы сподручней было кого-то терзать. Чтобы, так сказать, предмет личной ненависти всегда под рукой находился. У Барабашки аж сердце защемило. Жалко ему стало Рябинкиных, особенно младшего. Ведь вырастет малец и по тому же пути пойдет. Он же ничего другого в жизни не видит.

– Это все – нелюбовь, – печально заметил Змей. Как будто мысли в голове Барабашки прочитал.

Барабашка тяжело вздохнул.

– Змей, скажи, ты-то сам любовь посреде людей видел хоть раз?

– Не-а. Там, где я, любви не бывает. Я вместо нее. – Змей сделал кульбит в воздухе и легко приземлился на обе ноги. – Ап! Вот она любовь в чистом виде.

Крыша под весом змея жалобно заскрипела. Барабашка захлопал в ладоши.

– Спасибо тебе, Барабашка, за компанию. Пойду я, пора мне, контингент проснулся, трубы горят. Надо ниспослать им заветной жидкости, – Змей подтянул свои тренировочные штаны и направился к выходу на чердак.

Барабашка осторожно слез с антенны и присел на краешке крыши, свесив ноги на Стрельнинскую. Слова Змея необ-

ходимо было обдумать. Он вспомнил Полину и ее Скворцова. Вот гражданка Симагина говорит, что Полина Скворцова своего не любит, только об этом не знает. А любит она на самом деле неизвестного ей Чемпиона. Чудно все как-то у этих людей устроено. Сами не знают про себя ничегошеньки! Тогда по всему выходит, что Скворцов этот противный вскорости к нашему Змею угодит в самые его распростертые объятия. Как Рябинкин-старший. Ну, или к любовнице пойдет. Скорей бы уже. А то Полинин ребеночек такой же зловредный будет, как и Рябинкин-младший...

Нет, наш Кешка не такой, он хорошим человеком будет, как его дедушка.

Барабашка встал и легко перепрыгнул через Стрельнинскую улицу на соседнюю крышу. Так и поскакал по крышам в сторону улицы Мира. Лишь на Ленина задержался. Там, в середине, на знаке «Уступи дорогу», уцепившись передними лапами за знак, висел здоровенный черный кот. Кот устал орать и обреченно смотрел в серое питерское небо. Внизу мчались машины и сосредоточенно сновали хмурые люди.

– Ты и правда думал, что умеешь летать? – поинтересовался Барабашка у кота.

Кот вздохнул и мявкнул явно из последних сил. Барабашка легко и непринужденно прошел по тросу, на котором был закреплен знак, осторожно подхватил кота подмышку и пошел дальше.

«Надо будет Францевне сказать, что люди на дорожные

знаки никакого внимания не обращают», – подумал он, отпуская кота на ближайшей крыше. Кот благодарно потерся о ноги Барабашки, жалостно посмотрел ему в глаза и поплелся к ближайшему чердачному окну.

Чемпион

В метро было полно народу, Вовка кинул жетон в турникет, тот жетон проглотил, а потом железяка больно стукнула Вовку по колену. Вовка крикнул и позвал дежурную – толстую тетку в каком-то затрапезном ватнике, поверх которого была накинута форменная куртка. Дежурная не спеша направилась в Вовкину сторону, а ее пост занял милиционер. Тетка стала ковыряться в турникете, и Вовка понял, что на свидание со Светкой он непременно опоздает. Наконец тетка достала Вовкин жетон, матюгнулась, сунула жетон себе в карман и велела Вовке следовать в проход мимо милиционера. Как будто нельзя было это сделать сразу, а потом уже ковыряться с жетоном. И жетон-то она себе в карман засунула, присвоила, значит. Вовка помчался вниз по эскалатору. Однако где-то на середине пути он опять уперся в невероятно толстую тетку, которая перегородила эскалатор и стояла мертво, как пень. Ну, что за день сегодня такой!

Наконец Вовка выскочил на перрон. Подошел поезд, двери открылись, и он сразу увидел в противоположном конце вагона её. Она стояла у дверей и читала книжку. Видимо почувствовав Вовкин взгляд, подняла глаза, посмотрела на него и слегка улыбнулась. Такие ямочки у нее симпатичные на щеках... Где же он ее видел? Конечно, она похожа на его маму. Все Вовкины девушки, правда кроме Светки,

в той или иной степени походили на его маму, но эта была какая-то особенная. Загадочная.

«Наверное, от того, что не знакомая, – подумал Вовка и стал протискиваться к девушке. – Вот сейчас познакомлюсь и выясню, может, сам себе все придумал, или она басом разговаривает, или, наоборот, противным писклявым голосом, а вдруг и вовсе картавит...»

Когда он был уже практически рядом, поезд остановился, и окружающая ее толпа выкатилась на перрон. Девушку стало видно в полный рост, и Вовка встал как вкопанный. Даже рот открыл. Она была одета в кожаное, якобы итальянское пальто, которыми они успешно торговали с Арсеном, но самое главное, она была беременна. Вовка уставился на ее пузо, не в силах оторвать взгляда.

Девушка увидела Вовкину реакцию на свой живот, смутилась и отвернулась к окну двери, у которой стояла. Вовка покраснел как рак и подошел к противоположным дверям на выход. В отражении дверного окна через ровные промежутки мелькающих фонарей тоннеля он видел ее красивую шею, волосы, забранные в замысловатую косичку, и отражение печальных, все понимающих глаз в окне двери, у которой она стояла. Так они и смотрели друг другу в глаза через два дверных отражения, а Вовка думал, какой он идиот. Кинулся от нее, как от прокаженной. Подумаешь, беременность! Это ж не навсегда. Надо вот прямо сейчас развернуться, подойти к ней, извиниться и познакомиться.

Ничего такого он, конечно, не сделал, а выскочил на ближайшей станции, зашел за колонну и ляпнулся на скамейку. Ехать к Светке категорически не хотелось. Вовка попытался взять себя в руки. Светка же ждет небось, чего-нибудь супер-секси-секси на себя нацепила. У Светки слабость к эротическому нижнему белью. Вовка представил Светку в красно-черном корсете и черных чулках на резинках. Мысли о беременной незнакомке тут же улетучились из его головы, как и не было их. Вовка резво вскочил со скамейки и помчался к следующему поезду. Успел вскочить в последний момент. Надо же, действительно дурак какой! Расфантазировался о какой-то эфемерной барышне, которая к тому же еще и беременная. Добро б еще никакой бы Светки в его жизни не было. Слава богу, есть у него эта Светка из плоти и крови, с красивой фигурой и отсутствием комплексов. И едет он к ней на свидание, и будут они заниматься сексом на всю катушку. Они это свидание планировали целую неделю. Ведь не каждый же день Светкины родители в театр ходят или на дачу уезжают. А сегодня как раз такой день. Суббота. И Светкины предки наконец открыли дачный сезон.

В Светкину дверь он звонил, вооружившись своей самой обаятельной улыбкой, букетом гвоздик и бутылкой любимого Светкой мартини. В кармане джинсов у Вовки лежала целая упаковка презервативов. И не каких-нибудь резино-технических изделий из аптеки за четыре копейки, а замечательных иностранных, привезенных Арсеном из Польши. О

прекрасной беременной незнакомке к тому моменту он уже начисто забыл.

Светка, как он и предполагал, открыла ему дверь в соблазнительном неглиже. Только не красно-черном, а бело-розовом, и Вовка ни на минуту не пожалел о том, что приехал.

Уже совсем под вечер, когда они блаженно лежали в Светкиной кровати и попивали принесенный Вовкой martini, Вовка всерьез подумал, не поддаться ли на Светкины уговоры и не остаться ли до утра. Уж больно у них все хорошо складывалось. Кроме того, и презервативы еще не все израсходовали. В этот самый момент он услышал, как в дверном замке входной двери поворачивается ключ. Светка аж подпрыгнула на месте и вместе с рюмкой martini спряталась под одеялом.

– Вовка, дверь скорей закрой, – зашипела она оттуда.

Вовка вскочил и кинулся к двери комнаты. Он дернул за ручку, дверь не поддавалась. Дернул еще раз, но с тем же результатом. Вовка поглядел, в чем дело и с ужасом обнаружил, что дверь зацепилась за крючок вешалки в прихожей. Вовка дернул еще раз, и тут входная дверь в квартиру распахнулась. Вовка увидел Светкиного отца, из-за плеча которого, выглядывала Светкина мать.

– Здравсьте, – вежливо сказал Вовка и в очередной раз обреченно дернул на себя дверь в Светкину комнату.

– Здравсьте, – так же вежливо ответил Вовке Светкин отец и попытался заслонить собой Светкину мать. Видимо, ре-

шил уберечь ее от зрелища.

Вовке стало нехорошо. Спрятаться было некуда, дверь категорически не хотела закрываться. Наконец Светкин папа принял волевое решение и подошел к Вовке. Вовка зажмурился, однако бить его не стали. Светкин отец поглядел на крючок, держащий дверь, и повернул его в сторону. Дверь поддалась. Вовка быстро ее захлопнул и в ужасе сел на кровать. Испуганная Светка вылезла из-под одеяла.

– Так и импотентом на нервной почве сделаться можно, – сказал Вовка и начал быстро одеваться.

– Вов, я сейчас со стыда помру. Бедный папа. – Светка чуть не плакала.

– А меня тебе не жалко? – Вовка не на шутку перепугался и злился на Светку, по милости которой он попал в столь нелепое положение.

– Жалко, но папа старше и у него сердце слабое. И вообще, они меня прибьют теперь. Это точно.

Вовка посмотрел на Светку. Сердце у него предательски дрогнуло.

«Я попал, – подумал он. – Теперь, как честный человек, я обязан на ней жениться. А может, и хорошо. Нам же с ней в кайф вместе. Не ко времени, конечно. Мама в обморок упадет, ну да куда деваться?»

– Не дрейфь, Светка, – сказал он вслух и потрепал ее по коротко стриженным волосам. – Пойдем с предками твоими знакомиться.

Когда они вышли из комнаты, в квартире стояла мертвая тишина, и витал запах валериановых капель. Родители обнаружили на кухне. Они сидели за столом друг против друга и молчали. На голове Светкиной мамы красовалась вязаная шапочка.

– Здравсьте еще раз, – скромно сказал Вовка, с опаской протискиваясь на кухню.

Светка пряталась у него за спиной.

Ответом ему было ледяное молчание. Даже головы в его сторону никто не повернул.

– Я Вова. Вова Чернышев.

– Он чемпион мира по гребле, – пискнула из-за его спины Светка.

– Гребец, значит. – Светкин папа посмотрел в сторону Вовки. Взгляд не предвещал ничего хорошего.

– На каноэ, – уточнил Вовка.

– И что? – справедливо поинтересовался Светкин отец.

– Ну, мы это... – растерялся Вовка.

– Чего – это?

Вовка понял, что сейчас получит в морду.

– Хочу просить руки вашей дочери Светланы, – выпалил он скороговоркой.

Светка за спиной радостно хихикнула.

– Так ты жених, значит? Ну, так это же совсем другое дело, правда, Галя? – Тон, которым был задан этот вопрос, однако, не предвещал ничего хорошего.

Светкина мать тяжело вздохнула.

– Выходит, если б у нас на даче электричество сегодня не отключили, так мы бы и не узнали, что у дочери жених есть, – сказала она, стягивая с головы шапку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.